

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

Прекрасна
и очень
несчастлива

ИЛИ
Кто
кинул
маленькую
принцессу?

Детектив-антигрустин

Полина Раевская

**Прекрасна и очень
несчастлива, или Кто кинул
маленькую принцессу**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Раевская П.

Прекрасна и очень несчастна, или Кто кинул маленькую принцессу
/ П. Раевская — «Эксмо», 2015 — (Детектив-антигрустин)

Сурикаты – удивительно обаятельные маленькие существа, пришедшие к нам как будто из мультипликационного мира, чтобы заставить нас улыбнуться и поднять нам настроение, даже когда весь мир рушится у нас на глазах и земля уходит из-под ног. У народов Африки есть поверье, связанное с этими милейшими существами. Этих пушистых зверьков называют солнечными ангелами. И не только потому, что они любят понежиться на солнце. Издревле считается, что они защищают людей от лунных дьяволов, зла, врагов и оборотней, которые нападают на них. Так и наша героиня Елена Маленькая, попавшая в большую заварушку, получает помощь совершенно с неожиданной стороны – от невидимых ангелов, которые нас окружают повсюду. Надо только в них верить, и помощь обязательно придет! Вам предстоит путешествие во взрослую реальную сказку, где существуют настоящие принцессы, которых преследуют злодеи, настоящие принцы на настоящих роскошных автомобилях, криминальные злоключения, настоящая любовь, настолько настоящая, что она осталась только в сказках... и конечно же, хеппи-энд. Добро всегда побеждает, даже если это происходит на минуту после контрольного момента...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Раевская П., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	28
Глава седьмая	33
Глава восьмая	40
Глава девятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Полина Раевская
Прекрасна и очень несчастна,
или Кто кинул маленькую принцессу

© Раевская П., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава первая Совет и нелюбовь

Люди сами себе устраивают проблемы, никто не заставляет их выбирать скучные профессии, жениться не на тех людях или покупать неудобные туфли.

Ф. Раневская

– Да поторапливайся ты, чего застряла! – Необъятного вида тетка, не иначе раздувшаяся так от злобы, довольно грубо толкнула меня в спину, отчего я едва не очутилась на асфальте носом вниз. Покидая стремительно маршрутку, неожиданно для себя оставила на ее порожке свой каблук. Уж чем так приглянулась ржавая ступенька гламурной итальянской шпильке, я не знаю, но вместе они составили нерушимый союз, в чем я тут же и убедилась, попытавшись отодрать деталь своей обуви от железного элемента «Газели».

– Твою ж дивизию! – воскликнула женщина, распластав огромную лапищу в выдавшем виде шлепке рядом с моим каблуком. Бесцеремонно отодвинув меня в сторону, она выгрузилась из маршрутки и, ворча себе под нос ругательства, огромным лайнером поплыла в сторону рынка. Дверцы лязгнули, и желтая «Газель» зашуршала шинами по асфальту. В последний момент мне все же удалось вызволить деталь туфельки из маршруточного плена, и теперь я вертела ее в руках, решая, как поступить. Оглядевшись по сторонам, заметила урну и, прежде чем успела как следует подумать, скинула обувь и запустила ею в емкость. Туда же отправился и сломанный каблук, прочертив в воздухе красивую дугу.

Надо же! Да во мне умер, не родившись, черный баскетболист Шакил О’Нил – удивительно, но обе босоножки угодили прямехонько в цель, скрывшись в темных глубинах мусорного бака.

«Совсем как моя жизнь», – горько усмехнулась я своим мыслям и тут же почувствовала соленую влагу, предательски скапливающуюся в уголках глаз.

Устало опустившись на бордюр, принципиально проигнорировав стоящую на остановке скамейку, я дала волю эмоциям. Вернее, они сами вырвались наружу, без особого труда сломав хрупкую плотину сдержанности, сооруженную моим хорошим воспитанием.

Я ревела белугой, не обращая внимания на удивленные, местами сочувствующие, а местами и раздраженные взгляды прохожих, справедливо полагая, что мнение окружающих – последнее, что меня должно сейчас волновать.

А день, как назло, был такой чудесный! Светлый и погожий, в меру теплый – не жаркий и не холодный. Прекрасная весенняя пора, еще не отмеченная назойливыми мухами да злыми комарами. Подняв глаза в небо, я увидела, а может, мне это только почудилось, как белые хлопья облаков сложились в надпись: «Fin». Жаль, я никогда не умела читать знаки, а то наверняка тут же, как есть, босая, помчалась куда глаза глядят. Да вон хотя бы до канадской границы – только подальше от этого места.

Но даром Кассандры Боженька меня не наградил, а потому, нарыдавшись вдоволь, отправилась я напрямиком на рынок – маршрутом той самой тетки, из-за которой недавно лишилась обуви.

Внимательно глядя себе под ноги, то и дело рискуя пораниться или вступить в то, во что сама я и превратилась, я едва не пропустила нужный мне лоток. И только его хозяин, безошибочно распознав во мне потенциального покупателя, что, конечно же, неудивительно, сам меня окликнул, произнося фразы с характерным кавказским акцентом:

– Э-э-э, дорогая, куда спешишь, слЮшай? ЗачЭм мимо Ыдешь? Туда не ходи, ко мне ходи! Посмотри, какой туфли красивый. Любой есть – золотой, молотой, красный, зеленый!

А ведь это он отнюдь не для красного словца говорил! Беглого взгляда на предложенный ассортимент оказалось достаточно, чтобы убедиться в правдивости рекламных заверений – радужное обувное многоцветие просто слепило глаза! Подобному выбору обрадовалась бы любая восточная красавица, а представительница цыганского народа так и вовсе продала бы за него душу дьяволу. Одна незадача – если и текла в моих жилах восточная или цыганская кровь, то до сей поры никак себя не проявила. Пульс не участился, дыхание осталось ровным, глаза не загорелись ярким светом. Одним словом, предложенный продавцом товар оставил меня равнодушной. Это если не сказать больше. Но делать нечего – в конце концов, не могу же я явиться босой на встречу с Захаровым. Не то чтобы мне так уж хотелось произвести на него приятное впечатление, но и окончательно ронять себя в его глазах – тоже не дело. В конце концов, достаточно того, что мне предстоит.

Поэтому я выбрала самые простые и неприметные туфли, огорчив тем самым продавца, считающего, что «такие ножки заслуживают лучшего». Тут, конечно, не поспоришь, но что поделать, если из всего представленного на прилавке ассортимента черные лодочки без каблука и были тем самым лучшим? Правда, продавец полагал иначе, поэтому усиленно пытался сосватать мне клеенчатые сандалии светофорных цветов, уверяя, что эта модель у него самая ходовая и популярная. Кто бы сомневался!

* * *

– Алексей Юрьевич просил подождать, – секретарша приветливо улыбнулась, указывая на мягкий диван для посетителей.

Я аккуратно примостилась на самом краешке. Как же это в духе Захарова! Этой встречи он ждал и добивался весь последний год, потратив немало денег и сил, чтобы она состоялась. И вот теперь, когда его оркестр готов сыграть победный марш, дирижер не торопится взмахнуть палочкой. То ли растягивает удовольствие, то ли наоборот – получает его прямо сейчас, унижая меня еще больше. А может, это мое богатое воображение вкупе с огромным самомнением? Вполне возможно, Захаров действительно попросту занят, а мое дело не представляется ему таким уж и важным. В конце концов, что для его империи еще одно приобретение? По его меткому выражению, «такую шелупонь», как я, «он съедает за завтраком в качестве закуски». Так что...

Почувствовав знакомое щекотание в области носа, я глубоко втянула им воздух и мотнула головой, отгоняя неприятные воспоминания – для слез сейчас не время и не место, успею еще глаза выплакать.

– Да, Алексей Юрьевич. Да, она пришла. Хорошо, – секретарша, приветливо улыбнувшись, одобрила высочайшую аудиенцию. С тяжелым сердцем вошла я в кабинет Захарова. Он же, напротив, пребывал в благодушном настроении, что, учитывая обстоятельства дела, совсем неудивительно.

В кабинете своего врага я оказалась впервые, и меня крайне удивил аскетизм окружающей обстановки. Он совсем не вязался с образом эксцентричного богача, коим слыл Захаров Алексей Юрьевич – личность в нашем городе известная, в том числе благодаря своим затратным выходкам. Каждое организуемое им мероприятие, будь то день рождения любимой собаки или покупка нового галстука, может, врут люди, но слыхала я, что праздновал он и такое, превращалось в эксклюзивное шоу. Деньги в буквальном смысле слова бросались на ветер и пускались в трубу – знакомый рассказывал, что на одном из торжеств Захаров стрелял купюрами из духовой пушки, с удовольствием наблюдая, как «челядь» едва ли не дралась за дензнаки. Не иначе, слава Воланда не давала мужику покоя.

Учитывая все это, представительство бизнесмена мне представлялось совсем иначе. Стол, стул, офисная техника и скромный шкаф в углу – кабинет больше походил на келью

монаха, нежели на рабочий кабинет состоятельного предпринимателя. Хотя что мне, собственно, известно о Захарове? Возможно, тот образ, который он старательно создавал для окружающих, не больше чем пиар, умело разработанная маркетологами программа по продвижению клиента на рынок.

Я аккуратно присела на стоящий возле стола стул, сложив руки на груди, пытаюсь таким образом закрыться от негативной энергии собеседника. Хотя, конечно, почки уже отказали, и этот глоток боржоми явно не к столу. Но и демонстрировать благосклонность своему мучителю никак не хотелось.

– Елена Владимировна, – Захаров растянул жирные губы в улыбке. – Я очень рад, что вы наконец-то приняли верное решение. И стоило ли так долго сопротивляться? Помнится, я вас еще полгода назад предупредил, что в итоге именно так все и будет.

Я сначала открыла рот, а затем вновь его захлопнула. Не хватало еще метать бисер перед этим боровом. Если он намерен получать удовольствие от моего унижения, помешать не могу, но и помогать не стану. Длинные диалоги, воззвания к совести – все это мы уже проходили. Достаточно! Я пришла сюда раз и навсегда закрыть эту тему. Об этом своем намерении я и поведала Захарову, не слишком заботясь, правда, о деловом этикете. Галантные расшаркивания и дипломатические приемы прибережем для иного, более подходящего случая.

Притворно надув пухлые губки, право слово, как барышня на выданье, мужчина подвинул мне через стол лист бумаги. Я смотрела на него и не могла разобрать ни слова. Буквы расплывались, не желая складываться в слова. Взор затуманила пелена, по которой словно на экране кинотеатра проносились картинки моей жизни...

Мой бизнес строился на голом энтузиазме, без каких-либо финансовых вливаний и влиятельной поддержки. Фортуна благоволила мне, превратив в итоге из Золушки в успешную бизнесвумен. Большинство современных сказок имеет именно такой сценарий. В конце концов, где на всех принцев набраться? Вот и приходится барышням ковать свое счастье самим. Но моя жизнь особенно походила на сюжет самой знаменитой сиротской истории. Рано потеряв жену, папенька мой горевал недолго, а потому в нашем доме довольно скоро появилась злая мачеха. Ну, вернее, это я тогда думала, что она злая. На самом деле Тамара Ивановна была обычной теткой, не слишком далекого ума и не чересчур большого сердца. Ясное дело, перспектива воспитывать чужого ребенка ее мало прельщала. Но деваться-то некуда – новоиспеченный супруг, может, и не был способен на любовь, но определенные понятия имел. И по его кодексу чести в приюте ребенку при живом родителе делать нечего. На этом, правда, отцовские принципы и заканчивались – проводя большую часть времени в гараже да, как говаривала тетка Тамара, «по бабам», мне он особенного внимания не уделял, ибо не считал нужным. Одетая, обутая, сыта – чего еще желать?

А я желала! Страстно и горячо: родительской ласки, признания моих успехов, восхищения моими победами. Именно это стремление привлечь внимание родителя и двигало меня всю школьную жизнь, сделав в итоге первой ученицей класса, заводилой, активисткой, спортсменкой, да и чего там душой кривить, просто красавицей. Получая очередную награду из рук директора, тренера, а однажды и самого мэра, я всегда искала в толпе зрителей только отца. В выпускных классах, правда, больше по инерции, так как к тому времени уже осознала – что бы я ни делала, каких бы жизненных высот ни достигла, родительского одобрения мне не дожидаться. И вовсе не из-за бессердечия отца. Просто, живя традициями, а не эмоциями, он не был способен на проявления сильных чувств. Именно традиции в свое время подвигли его на брак с моей мамой, именно они привели его к алтарю и во второй раз. Мой родитель существовал как положено, соблюдая давным-давно кем-то заведенный ритуал, и так же обычно для русского мужика и умер. Во цвете лет. Накушавшись водочки, попарившись в жаркой баньке, нырнул он в прорубь, да больше и не вынырнул. Его не слишком чуткое сердце,

не выдержав нагрузки, а может, просто устав отстукивать ритм пустой жизни, остановилось в одночасье. Обратное же завести его оказалось некому – никто из друзей, отдыхавших вместе с отцом, не смотрел сериал «Скорая помощь», никто не оканчивал медицинских вузов и даже курсов оказания первой помощи не посещал. А потому никому и в голову не пришло сделать искусственное дыхание. Не говоря уже о массаже сердца и прочих уместных в таких случаях мерах. Да чего там! Они даже не сразу заметили, что тело и дух их приятеля находятся уже давно в разных измерениях. Спихватившись и обнаружив, что больно долго Петрович не выходит на берег, извлекли они моего папеньку из воды и потащили в жаркую парную отогреться, полагая, что тот просто потерял сознание.

Эту историю в дальнейшем его друзья не раз рассказывали на поминках, и каждый раз она, как это часто бывает в таких случаях, обростала все новыми и новыми подробностями.

Таким образом, уже к первой годовщине смерти отца выходило так, будто умер он не сразу, а даже пришел в себя и, обведя присутствующих полным святости взглядом, разразился прощальной речью, наказав приятелям любить Родину, близких, а также позаботиться о его бедной сиротке. То есть обо мне.

Нужно сказать, наказ этот выполнил только дядя Саша. Правда, это уже потом выяснилось, что его визиты в наш дом преследовали иные цели, нежели заявленные официально. Одним словом, спустя год после папенькиной кончины, моя мачеха обрела в лице его близкого друга нового спутника личной жизни. Что до бедной сиротки, то я к тому времени уже успешно окончила школу, поступила на филфак и усердно грызла гранит науки, пытаюсь постичь все тонкости родного языка, и в новом отце, в общем-то, не сильно и нуждалась.

Катастрофическая нехватка денег, понятно, что ни тетка Тамара, ни дядя Саша содержать меня не стремились, вынуждала меня на постоянные их поиски. Какие только профессии я не примерила на себя в студенческие годы. Пробовала торговать косметикой, раздавала рекламные флайеры и даже в костюме гигантского осьминога завлекала клиентов в только что открывшийся японский ресторан.

Так продолжалось до тех пор, пока подруга не рассказала мне о копирайтинге – новой профессии, весьма популярной в Интернете. Оказалось, что виртуальное пространство остро нуждается в реальных текстах. До этого, рыская по его просторам, я как-то не задумывалась о том, кто именно пишет все эти статьи для сайтов и откуда они там берутся. Но затем я узнала, что создание контента для порталов – целая индустрия, весьма прибыльная и доходная. И несмотря на то что каждый школьник мнит себя Толстым, выполнить требования заказчика может не всякий. Зато я могла! И очень даже неплохо. В итоге очень скоро я обросла клиентами, приносящими мне стабильный и, по меркам студентки, весьма солидный доход.

Правда, и вкалывать приходилось так, что любой Папа Карло, вздумай он вступить со мной в соцсоревнование, сдох бы примерно на середине пути. Меня же спас синдром отличницы, который, как известно, стимулирует к работе почище, чем египетский надсмотрщик на строительстве пирамид. А потому уже к выпуску из института я зарабатывала в месяц больше, чем за год учительница словесности, которой мне, по идее, предстояло стать.

Так что, получая из рук ректора красный диплом, я точно знала – придется детишкам постигать азы «великого и могучего» без Елены Владимировны Маленькой.

Ах да, я же забыла упомянуть об еще одной интересной детали своей биографии – насмешница судьба, до кучи ко всем злоключениям, наградила меня довольно смешной фамилией. Вернее, сначала была фамилия, а уж потом злоключения, но не суть важно. В любом случае на небесах, подозреваю, громко хохотали, записывая на скрижалях историю моей жизни. Нет, ну сами подумайте – девочка с фамилией Маленькая, которая при этом уже в детском саду была на голову выше своих ровесников. К совершеннолетию мой рост и вовсе приблизился к отметке сто восемьдесят сантиметров. Не слабо так, да?

Вот такая я «маленькая». Хотя как знать, не случись на моем пути всех этих испытаний, возможно, ничего бы из меня и не вышло.

Не то чтобы я прям достигла каких-то необычайных высот, конечно, – в космос не полетела, статус первой женщины-президента в РФ не получила, да и на «Оскар» меня ни разу не выдвинули. Но на судьбу до недавнего времени жаловаться было грех. Статусом владелицы небольшой веб-студии, успешно создающей и продвигающей сайты, я очень гордилась.

А случилось это так: довольно быстро поняв, что копирайтер – это всего лишь планктон виртуального бизнеса, низшее звено в цепочке интернет-эволюции, и решив, что мне нужно все и сразу, я наняла талантливых технарей, авторов и менеджера по продаже и принялась принимать заказы на создание и продвижение виртуальных представительств различных компаний, достаточно умело руководя своим бизнесом.

Дело пошло, и уже через год в торжественной обстановке я, как «открытие года», получила приз в конкурсе «Молодая бизнесвумен». Правда, о том дне я по некоторым причинам вспоминать не люблю.

Впрочем, как и о событиях, случившихся через пять лет после этого. Хотя ничего необычного, конечно, не произошло. История весьма банальна. Богатый Карабас-Барабас решил отобрать у бедненького Буратино его Золотой ключик, и в отличие от сказки в жизни ему это удалось. Именно поэтому я сейчас и подписываю документы о продаже моей фирмы Захарову.

– Елена Владимировна, миленькая, маленькая вы моя, – мужчина засмеялся, получив удовольствие от своей шутки. Ну, слава богу, хоть кто-то оценил его юмор по достоинству. Что до меня, то я этот остроумный каламбур за свою жизнь слышала столько раз, что и не сосчитать, поэтому в обморок не упала, в конвульсиях от смеха не забилась и вообще никак не отреагировала. И пусть он мне за это спасибо скажет, могла бы тоже сострить, мало не покажется.

– Ну что вы так переживаете? Вы только подумайте, как хорошо для вас все складывается. Сколько еще продержалась бы ваша компания на плаву? – Захаров сложил губы в сочувствующей улыбке. Еще чуть-чуть, и я поверю в искренность его переживаний. – Ведь дела, как я понимаю, у вас идут ни шатко ни валко. Да за вашу «Мелену» и сейчас никто гроша ломаного не даст, а через месяц-другой вы еще и должны останетесь. Я же плачу вам за нее солидные деньги. – Захаров потянулся за лежавшими на столе четками.

Тоже мне восточный мудрец нашелся. Перебирая разноцветные камушки в руках, мужчина внимательно меня рассматривал, ожидая реакции на свою речь.

Не дождется! Гордо вскинув голову, я взяла ручку и решительным ее росчерком поставила подпись на договоре купли-продажи.

Вот и все... Так просто... Восемь лет жизни перечеркнуты одной закорючкой. Я задержала дыхание, пытаясь справиться с подкатившей к горлу тошнотой. Поборов желание освободить желудок, решительно поднялась и, холодно кивнув на прощание, на негнущихся ногах прошествовала к двери.

– Елена Владимировна, куда же вы? – хохоча прокаркал Захаров. – Давайте хоть выпьем чарку за нашу сделку. Хорошее дело и обмыть не грех!

Ничего не ответив, я решительно потянула на себя блестящую ручку двери и вышла в новую, свободную, не обремененную ни деньгами, ни работой жизнь.

Глава вторая

Что такое «не везет»

Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном.

Ф. Раевская

Выйдя на улицу, я задержалась на крыльчке, втянув носом благоухающий весенними цветами воздух, и огляделась по сторонам, наслаждаясь окружающим пейзажем – резиденция Захарова располагалась в красивом старом парке. Когда-то очень давно здание за моей спиной принадлежало старому графу. Ну или князю... Хотя, может, просто помещику, не удивлюсь, если байка про графа – выдумка пиарщиков бизнесмена. В любом случае место для своего офиса тот выбрал просто шикарное. Правда, изрядно потрепанное, из-за чего в реставрацию особняка Захарову пришлось вложить колоссальные деньги – предыдущие обитатели дома, шустрые, смелые и умелые пионеры, привели его почти в полную негодность. А вот старинный сад даже им разорить не удалось, и сейчас вековые деревья качали своими кронами, успокаивающе нашептывая своими листьями: «И это пройдет. Все пустое. Мы видели и не такое».

Благодарно им улыбнувшись, я подумала, что, пожалуй, все не так уж и плохо. Мне еще нет тридцати, зато есть опыт ведения бизнеса. Да, денег на раскрутку нового проекта у меня нет, но ведь и прежний начинался с нуля. Кроме того, у меня осталась квартира с почти выплаченной ипотекой. Если что, недвижимость можно будет обменять на стартовый капитал. Хотя тогда возникает вопрос с проживанием – не к тетке же Тамаре возвращаться. Хотя чего это я? А как же Лариса? Верный друг и товарищ, соратник во всех начинаниях, самый близкий на земле человек. Уж она в беде не бросит, без крыши над головой не оставит.

Достав сотовый, я нажала кнопку быстрого вызова, чтобы сообщить подруге о намерении начать жизнь с чистого листа.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – механическим голосом сообщил оператор. Хм, странно... Мы ведь условились, что я позвоню сразу же, как только выйду от Захарова. Может, просто сбой. Я нажала на кнопку повторно, но от вызова меня отвлек шум за спиной.

– Вот она! Держи! Держи ее! – взволнованно кричал женский голос. Обернувшись, я увидела двух мчащихся ко мне с дубинками наперевес охранников и давешнюю секретаршу, еле поспевавшую за стражами порядка на своих высоченных каблуках.

Интересно, кого это они ловят? Оглядевшись по сторонам, никаких живых существ не обнаружила. Но, может, у них учения? Отрабатывают люди маневры на случай экстренной ситуации. Судя по тому, как грузно мужчины переваливались с ноги на ногу, их физическая форма оставляла желать лучшего. Да уж, ребята, случись и впрямь ЧП, вас любой мальчишка уделает. Чаще в спортзал ходить нужно.

Так как размышлять далее о профессиональных навыках службы безопасности Захарова мне не хотелось, то, удивленно пожав плечами, я шагнула с порога, намереваясь покинуть это место и никогда сюда больше не возвращаться.

* * *

Наверное, я чем-то разгневала богов, иначе как еще объяснить, что неудачи сыплются на меня словно из рога изобилия? Скорее всего, у них там в небесной канцелярии случился какой-то сбой в работе. Наверняка приняли на должность раздатчика бед ангела-новичка, а тот ленится: вместо того чтобы равномерно распределять неприятности, сыплет их на одну

голову – и только мою. Мало мне их за утро было, как случилась новая напасть – вместо того, чтобы отправиться домой заливать вином и слезами свое горе, я отправилась напрямик в тюрьму.

Жизнь – удивительная штука. Только ты думаешь, что хуже уже быть не может, как она тут же доказывает обратное. Но есть тут и позитив: про утрату фирмы на фоне последующих событий я полностью забыла. В списке моих неприятностей эта оказалась далеко не на первом месте.

А случилось вот что: где-то минут через пять после моего ухода секретарша Захарова решила зачем-то проведать своего шефа. Уж не знаю, что там ей от него понадобилось, но удовлетворить ее запрос начальник не смог. Он вообще уже был не способен удовлетворить чьи-либо запросы и потребности. По причине своей полной, окончательной и безоговорочной кончины.

Выпущенная в голову пуля шансов на выживание Захарову не оставила, сразу же отправив его на свидание с праотцами. А все потому, что оружие, которое, кстати, прибывшие на место преступления оперативники нашли под окнами кабинета покойного, было серьезным и профессиональным. Такое бьет наповал и наверняка. Особенно с близкого расстояния, с которого, как мне пояснил следователь, я, Елена Маленькая, и стреляла.

Сама-то я об этом незначительном эпизоде тут же забыла. Напрочь стерся он из моей памяти, и, как я ее ни напрягала, ничего даже близко похожего вспомнить не удавалось. Но следователя это не особенно смутило. По его собственным словам, мое признание ему нужно как рыбе зонтик – улики против меня предостаточно, так что и без моей чистосердечки дело будет быстро закрыто.

Я лепетала что-то про смывы с рук, которые показывают следы пороха, если человек стрелял, и их отсутствие, если он этого не делал. Про одежду, на которой должны быть пятна крови, и про прочие улики, о существовании которых рассказывает детективный сериал «След», столь любимый теткой Тамарой и который я иной раз посматривала, бывая у нее в гостях. Но полицейские будни отличались от сериальных примерно так же, как борщ от фуа-гра. Мне быстро объяснили, что найденных под окнами перчаток и оружия вполне достаточно для обвинительного заключения. Перчатки и впрямь оказались моими, но я их с прошлой зимы не видела и уж тем более не надевала. Что до оружия, то мне вообще никогда не доводилось держать его в руках. Никакого.

В какой-то момент я и сама себе перестала доверять. Вдруг я страдаю особой формой психического расстройства и просто не ведаю, что творю? Иначе как объяснить, что все улики против меня. Ладно бы пистолет с перчатками, но что делать с видеозаписью из приемной? На ней отчетливо видно, что с того момента, как я покинула кабинет Захарова, в него никто не входил и не выходил. Вариант с окном также отпадал – все створки на момент прибытия полиции оказались заперты, да и выстрел произвели с близкого расстояния. Вот и получалось, что иных кандидатов на роль убийцы, кроме меня, нет. Но вот ведь незадача – как ни взывала я к своей памяти, пытаюсь воскресить хотя бы намек на совершенное преступление, сознание выдавало исключительно живого Захарова, хоть ты тресни. О чем я как заведенная и твердила Сергею Михайловичу Орлову – молодому, по всему заметно не обремененному интеллектом парню, проводившему допрос.

– Ну, Елена Владимировна, миленькая, маленькая вы моя, – парень засмеялся.

Просто «Аншлаг» на выезде, Галкин отдыхает.

– Ну, давайте вы уже перестанете отрицать очевидное. Давайте сэкономим мое и ваше время. Тем более что чистосердечное признание, как известно...

– Вы уже говорили, – я кивнула, – облегчает наказание. Только как мне признаться в том, чего я не совершала? Вы меня простите, конечно, но мы с вами недостаточно близко знакомы,

чтобы я ради вашего удовольствия брала на себя вину за тяжкое преступление. А и будь даже вы моим супругом, все равно не стала бы на себя наговаривать. Не убивала я Захарова. И точка.

Поразительно – несколько часов назад я рыдала из-за сломанного каблука, а сейчас сохраняю железобетонное спокойствие в кабинете следователя. Или это просто шок, и меня еще непременно накроет? Как знать...

Но сейчас, несмотря на маячащую угрозу тюремного заключения, я не проронила ни слезинки, что, к слову, наверняка может быть использовано против меня – отличный штрих к образу хладнокровной убийцы. Нормальная девица уже в истерике бы билась, а эта ничего – сидит, закинув ногу на ногу, и покачивает туфлей-лодочкой. Изобразить бы хоть страдание, да вот только актриса из меня никудышная.

– Я еще раз вам говорю, не было у меня мотива убивать Захарова. По крайней мере, не сегодня уж точно. Он год пытался отжать мою компанию, используя свое влияние и связи. Если и убивать его, то не тогда, когда я согласилась на продажу фирмы. Сами подумайте, что я от этого выигрываю? Сделка-то состоялась.

– Да неужели? – Сергей Михайлович изобразил удивление, выпучив глаза. Да уж, а парень тоже артист, не хуже меня. Этому парню не то что «Оскар», но и «Золотой орел» не светит. Пожалуй, мы с ним неплохая парочка – гусак и гагарочка.

Закончив представление и вернув глаза на место, парень, слегка нагнувшись ко мне, спросил доверительным шепотом, печатая каждое слово:

– А где договор-то?

– Как где? – пришла пора мне недоумевать. – В кабинете Захарова, я полагаю. По крайней мере, он был там, когда я его покидала.

– Да? – на этот раз мужчина добавил в голос сочувствия. Вот только с фальшью переборщил. Или я просто цепляюсь? – А почему же тогда мы его не нашли?

– Мне-то откуда знать? Может, искали плохо, а может, его убийца забрал. Вы – следователь, это ваша работа – отвечать на подобные вопросы.

– Ну да, конечно, – Сергей Михайлович усмехнулся. – Убийца забрал, кто же еще. А потом, по всей видимости, просто растворился в воздухе. Или, нацепив шапку-невидимку, проскользнул мимо секретарши и видеокамер незамеченным. Такова ваша версия событий? Да, Елена Владимировна?

– Послушайте, – я откинулась на спинку стула. – Допрос длится уже второй час, и я изрядно устала. Тем более что мы пошли уже по третьему, а то и по четвертому кругу. Во всяком случае, точно помню, шутка про шапку-невидимку уже звучала. Хотя нет... В прошлый раз вы упомянули мантию-невидимку. Я понимаю, перебирать волшебные предметы одежды мы можем до бесконечности, но вряд ли это поможет вам раскрыть это преступление. У меня нет ни малейшего представления о том, кто убил Захарова, куда делся договор, как преступник покинул кабинет и откуда взяли под окном мои перчатки со следами пороха. Но я точно знаю, – с упором на слово «знаю» произнесла я, – что я никого не убивала. Да мне даже оружие ни разу в жизни не доводилось держать в руках! Ну в самом деле, проверьте мою одежду, убедитесь, что на ней нет капель крови или что вы там обычно проверяете в таких случаях?

Дознаватель недовольно нахмурил брови:

– Давайте вы не будете учить меня делать мою работу, – пробурчал он. – Непременно проверим: и одежду, и обувь. Вам, кстати, есть кого попросить, чтобы привезли вам спортивный костюм и кроссовки?

– А почему, собственно, именно их? – удивилась я.

– Потому что там, куда вы сейчас отправитесь, эта одежда наиболее уместна. И советую выбирать обувь на липучках, так как шнурки все равно заберут, а без них передвигаться не очень удобно. Ну это я вам чисто по-дружески рекомендую.

Смысл сказанного до меня дошел не сразу, а когда все же постучался в сознание, ужас сковал грудь ледяным холодом. Уж не знаю, на что я в сложившихся условиях рассчитывала, но про тюрьму почему-то даже не подумала. Мне все казалось, что этот морок вот-вот рассеется, истина откроется, ну или, на худой конец, следователь поймет, что я не имею никакого отношения к убийству. Просто потому, что этого не может быть никогда. Но чуда не случилось, и вот уже выдавший виды автозак везет меня в совершенно новую жизнь – в те реалии, о которых я имею весьма смутное представление.

Глава третья

Узница замка слез

Раневская со всеми своими домашними и огромным багажом приезжает на вокзал.

– Жалко, что мы не захватили пианино, – говорит Фаина Георгиевна.

– Неостроумно, – замечает кто-то из сопровождавших.

– Действительно, неостроумно, – вздыхает Раневская. – Дело в том, что на пианино я оставила все билеты.

– Ленка, ты где? Я тебе звоню, звоню, а ты не отвечаешь, – голос любимой подруги выдавал ее тревогу, в ответ на что мое сердце предательски сжалось.

– Ларис, тут такое... Такое, – я наконец-то разревелась, только сейчас до конца осознав случившееся. Как скоро свижусь я теперь с родным человеком? Что ждет меня впереди?

– Маленькая, – грубо ворвался в мои мысли охранник. – Не тяни резину, тут тебе не переговорный пункт.

Я шмыгнула носом и затараторила, стремясь передать Ларисе как можно больше информации за отведенное мне на звонок короткое время.

– В общем, Ларис, объяснять особо некогда. Я в тюрьме. Вернее, пока в СИЗО, но хрен редьки не слаще, сама понимаешь. И мне срочно нужна одежда. Привези мне пару спортивных костюмов, кроссовки и белье – несколько смен. Много не бери – отберут все равно, и выбери что попроще – я не собираюсь дразнить местную публику. Ты меня поняла?

– Как в тюрьме? Ленка, что случилось? Ты о чем вообще? Какие костюмы? Какое белье? – Лариса сорвалась на крик. Только ее истерики мне не хватало. Тут бы со своими эмоциями совладать.

– Слушай, давай все это потом обсудим, ладно? Мне разрешили только один звонок и то недолгий. Ты все поняла? Записывай адрес.

Дальнейшее происходило словно во сне. Меня раздели, забрали платье, выдав тюремную одежду, не полосатую пижаму, а темно-синий холщовый комплект, состоящий из прямой юбки и рубахи, провели санобработку, так здесь называется обычное посещение душа, и препроводили в лазарет. Старенький доктор неспешно и равнодушно опросил меня о наличии инфекционных и хронических заболеваний, заполнил какую-то форму и дал мне в ней расписаться. Он даже не удосужился провести личный осмотр.

Да уж! Первые часы тюремного заключения вышли довольно насыщенными. Умаялась я так, будто на рудниках весь день проработала. То ли еще будет? В камеру предварительного заключения я вошла, неся на вытянутых руках выданное мне постельное белье, чашку, ложку и тарелку.

Мне объяснили, что по закону мне полагалась «отдельная комната» на первые сутки, но ввиду ограниченности и ценности подобной «жилплощади» это правило соблюдается в СИЗО довольно редко. До моего сведения довели наличие права на обжалование данного нарушения, но предупредили, что ни к чему хорошему это не приведет. Честно говоря, жаловаться мне, конечно, очень хотелось, но вовсе не на отсутствие одноместной камеры – вряд ли здесь можно рассчитывать на номер «люкс», так что, какая, по сути, разница? По крайней мере, именно так я тогда думала. И очень сильно ошибалась. В том, что разница есть, убедилась я буквально сразу же.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась я, входя в свое новое «жилище». Четыре пары любопытных глаз с интересом уставились на меня, но ни одна из их «хозяек» не удостоила меня ответом. Видимо, вежливость в этом заведении не в чести.

– Чего в дверях застыла? – грубо толкнула меня вперед сопровождающая надзирательница. – Думаешь, я тут с тобой до ночи, что ли, возиться буду? Вот твоя койка, – она ткнула пальцем в кровать возле окна. – Постельное белье сама заправишь, поняла? Располагайся. Судя по твоей статье, тебе тут долго париться. – Лязг железной двери возвестил о ее уходе, и я осталась один на один со своим горем, невеселыми мыслями и не слишком гостеприимными, судя по всему, сокамерницами.

– Ты посмотри, какую птицу дивную к нам занесло, – ко мне подскочила невысокого роста девица с не очень красивой, усыпанной прыщами мордочкой. Изобразив ребенка на новогоднем утреннике, она принялась водить вокруг меня хоровод. Со стороны, подозреваю, выглядело это довольно комично, ведь в обычном положении девушке открывался вид только на зону моего пупка и попы. А вот чтобы заглянуть мне в глаза, ей пришлось задрать голову, рискуя свернуть шею.

– Слушай, да ты прям пожарная каланча, – засмеялась она и повернулась к другим обитателям камеры, ища у них одобрения. Но те лишь молча наблюдали за происходящим, никак не выдавая своего к нему отношения.

Конечно, у меня намерения девицы сомнений не вызывали. Настолько, что мне даже на какой-то момент стало ее жаль, ведь если я чему и научилась за свою жизнь, так это не вестись на глупые провокации. Поэтому я просто подошла к «своей» кровати и принялась молча заправлять постель.

– Нет, вы посмотрите на нее, – сокамерница театрально всплеснула руками, притворно взывая к сочувствию присутствующих. Реакции вновь не последовало. Очевидно, пристававшая ко мне девчонка здесь не главная – опытным взглядом человека, выросшего на улице, я сразу выцепила спокойную молодую женщину, вполне себе интеллигентного вида, которая, готова поспорить, и носила гордое звание местного лидера. А девочка так – клоунесса, шутиха, развлекающая публику, как умеет.

Как по мне, так умела она это не очень, но, с другой стороны, где набрать талантов на каждую камеру? В конце концов, не каждый же день артистов Stend Up-шоу арестовывают.

– Гордая, значит, – девица притворно вздохнула. – Свет, погляди, еще одна гордая объявилась. Как та... э-э-э... как там ее звали? Ольга, кажется. Интересно, ей уже вправили нос, как думаешь? Наверняка в следующий раз подумает, прежде чем его от хороших людей воротить-то.

Я невольно вздрогнула и потеряла свой маленький правильный носик. Перспектива тюремной ринопластики меня совсем не привлекала, а то, что она вполне возможна в местных условиях, сомневаться не приходится. И никакого тебе наркоза и анестезии.

Закончив возиться с постельными принадлежностями, слегка помедлив, чтобы обдумать предстоящую речь, я наконец обернулась к присутствующим и, игнорируя направленный на меня взгляд нахальной девицы, обратилась к той самой Свете, которую приняла за лидера.

– Светлана... э-э-э... – тут я запнулась, – простите, не знаю вашего отчества.

– Да мы тут не гордые, отзываемся и без них, – со спокойным достоинством, сильно контрастировавшим с нахальством пристававшей ко мне девицы, произнесла Светлана. – Но если что, Васильевны мы. Можешь звать по батьковне.

– Приятно познакомиться, – произнесла я, невольно запнувшись на слове «приятно». – А я Елена Владимировна, но можно просто Лена, – я улыбнулась, вложив в улыбку все свое миро- и дружелюбие. – Светлана Васильевна, – я проигнорировала насмешливое хмыканье молодой девицы. – Давайте сразу расставим все точки над «и». В подобном заведении я впервые и порядков местных совсем не знаю. То есть абсолютно. Поэтому буду благодарна, если

вы сразу расскажете мне, что здесь к чему. Готова стать низшей ступенью в местной иерархии, но есть вещи, которые делать не буду ни при каких обстоятельствах – даже под угрозой смерти.

– Это, интересно, какие же? – поинтересовалась Светлана, растянув губы в широкой, но недоброй улыбке.

– Например, – тут я запнулась. – Ну, я... – слова подбирались с трудом, но произнести их следовало обязательно. – Например, я не стану ничьей любовницей, – закрыв глаза, словно перед прыжком в воду, выстрелила словами, которые, к моему удивлению, немало развеселили обитательниц тюремной камеры.

Они принялись дружно хохотать, чуть ли не утирая рукавами слезы. Даже моя обидчица не смогла удержаться, присоединившись в итоге к общему веселью. Продолжалось оно довольно долго, пока его не прекратила Светлана. Причем буквально одним взмахом руки.

– Да уж, повеселила ты нас, – произнесла она, явно претендуя на звание «мисс очевидность». – Ты, видать, по фильмам тюремные порядки изучала, да?

– Если честно, я вообще их не исследовала. Как-то не приходило в голову, что мне когда-либо может понадобиться подобная информация.

– А зря, – женщина направила на меня спокойный взгляд пронизательных глаз. – Как говорится, от сумы да от тюрьмы... В общем, слушай сюда, девочка. В этой камере сидят все, кто совершил тяжкие преступления впервые.

– Я не совершала, – машинально поправила я.

– Это само собой, – усмехнулась Светлана, а остальные женщины довольно заржали. – Но речь не о том. А о том, что мы все тут впервые и, хотя и сидим подольше твоего, конечно, пока еще не так соскучились по любовным утехам, чтобы предаваться им друг с другом. А некоторые так и вовсе об этом деле думать не могут. Вон, Галка, к примеру, – Светлана ткнула пальцем в тихую неприметную женщину, которая при упоминании ее имени вздрогнула и затравленно вжала голову в плечи. – Ее муж бил и насиловал, насиловал и бил. Так теперь стоит ей услышать слово на букву «эс», как форменная истерика начинается.

Я бросила жалостливый взгляд на Галину, оставшийся, впрочем, без ответа.

– А Майка, – продолжила «главарь в юбке», кивнув головой в сторону пристававшей ко мне девицы, – и вовсе мужа имеет. Он к ней раз в месяц приезжает – им хватает. Он, поди, привлекательнее тебя-то будет.

– Ну а мы с Любовью Павловной, – Светлана кинула взгляд на пожилую тучную женщину, – и вовсе пара. Да, Любовь Павловна?

Та, к кому обратилась Светлана, громко засмеялась, обнажив гнилые зубы.

– Шутка, – моя собеседница вмиг посерьезнела и добавила: – Никто к тебе приставать не станет. По крайней мере, тут. На зоне, говорят, другие порядки, но до нее еще дожить нужно. Я вот уж третий год в СИЗО парюсь, все никак приговора не дождусь. Что до остального, то, конечно, тут тебе не курорт. Порядки строгие. Особенно для новеньких. Но будешь их соблюдать, никто не тронет. На Майку внимания не обращай. Это она так развлекается, шутит, значит.

– Ага, шучу я, шучу, – кривляясь, произнесла та, кого назвали Майкой и спросила: – Поесть есть че?

– Нет, – растерянно ответила я.

– Так позвони родне и скажи, чтобы привезли пожевать.

– Как же я позвоню? – растерянно развела я руками. – Телефон-то изъяли.

Майка метнулась к своей кровати, нырнула под матрас и достала мобильник.

– На, – протянула она мне аппарат, – с моего позвони. Сто рублей звонок, отдашь, как деньги тебе привезут. И сигарет попроси!

Я взяла сотовый и набрала первые цифры Лариного номера. Но тут железная дверь лягнула, и в мгновение ока подскочившая Майка выхватила аппарат у меня из рук.

– Маленькая, на выход, – прокаркала надзирательница, и вся камера недоуменно уставилась на меня. Смысл сказанного не сразу дошел до женщин, а когда дошел, вызвал новый взрыв хохота.

– Это она к тебе? – наконец выдавила сквозь смех Светлана.

Я лишь равнодушно пожала плечами.

Женщины вновь разразились дружным смехом, который звучал в моих ушах еще довольно долго.

Я шла по длинному мрачному коридору, держа руки за спиной, и молча глотала слезы, оплакивая свою горькую судьбу и не ожидая от нее ничего хорошего.

Глава четвертая Когда боги смеются

Сейчас, когда человек стесняется сказать, что ему не хочется умирать, он говорит так: очень хочется выжить, чтобы посмотреть, что будет потом. Как будто если бы не это, он немедленно был бы готов лечь в гроб.

Ф. Раневская

– Ленка, ну как же так? Как же так? – наверное, в сотысячный раз повторила Лариса. На лице подруги столь отчетливо читались боль и отчаяние, что у меня защемило в груди от жалости к ней. И хотя если уж кто из нас и нуждался в сочувствии, так это я, мне действительно было больно и горько от того, что я доставила подруге столько хлопот и неприятностей. Верная Лариса сопровождала меня весь этот непростой год, вытирала слезы и сопли, выполняла различные поручения, изо всех сил старалась спасти мой бизнес, и вот теперь такой бесславный финал.

Я слотнула ком в горле, взяла девушку за руки и, глядя ей прямо в глаза, от всего сердца поблагодарила за все, что она для меня делает. Дороже ее у меня никого нет! Не представляю, как бы жила без нее.

Подумав об этом, я разревелась. А следом заплакала и Лариса. От этого мне стало еще горше, и я заплакала еще сильнее. Видимо, та же история приключилась и с моей подругой, потому что теперь и ее плач превратился в рыдания.

Наконец стоящий за моей спиной охранник не выдержал и довольно грубо ткнул меня в спину.

– Ну, это, – жестко произнес он, – кончайте тут сырость разводить. Вот бабы, – с чувством, буквально выплюнул он это слово. – Сначала натворят дел, а потом ревут. Поди, когда в человека стреляла, так не рыдала, а как поймали, так давай жалеть себя. Раньше думать надо было!

Слезы на моих щеках тут же высохли. Гамма чувств – удивление, гнев, обида – клокотала в моей душе. Да кто он такой, чтобы меня так отчитывать! Довольно! И впрямь еще не хватало тут слезы перед подобными типами лить. Переживали всякое и это переживем.

– И правда, чего это мы, – я натянула на лицо улыбку – прием, которому обучилась на каких-то профессиональных курсах по успешному ведению бизнеса. Ничего дельного, кроме навыка в самые сложные минуты своей жизни растягивать губы пусть даже в неестественной улыбке, они мне не принесли, но это умение, поверьте, дорогого стоит. Ларисе этот прием также был знаком, поэтому и она оскалилась, немало удивив охранника. Посмотрев друг на друга, мы прыснули от смеха – на этот раз совершенно искренне. А ведь работает прием-то!

– Вы там это, – вновь вмешался стражник, – кончайте ерундой страдать, время-то того, тю-тю.

– Слушай, давай я тебе адвоката поищу, – затараторила Лариса. Я в ответ только равнодушно пожала плечами.

– Не надо. Денег на хорошего защитника у меня нет, а плохого мне и бесплатно предоставят, я уже написала соответствующее заявление.

– Да ты за деньги не переживай, – Лариса схватила меня за руки. – Я найду деньги, честное слово. Дай только срок!

– Нет, – решительно и твердо ответила я. – Где ты их найдешь? Не вздумай! Я не приму от тебя, откажусь сразу, имей это в виду.

– Но ведь тебя же посадят! – у Лары вновь выступили слезы на глазах.

– Не смей реветь, – брошенный мною суровый взгляд быстро высушил влагу на щеках подруги. – Мне и так нелегко. Я не убивала Захарова. Понятия не имею, кто и как это сделал, но уверена, все это недоразумение скоро разрешится. Иначе просто быть не может. Наверняка всему этому найдется какое-то логическое объяснение. А пока... Знаешь, тут не так уж и плохо – и люди вполне себе приличные. У меня все будет хорошо! В конце концов, отдохну, как давно мечтала, – я усмехнулась. – Похудею к пляжному сезону. Во всем нужно искать позитив. И в этой ситуации, если вдуматься, его также немало.

– Свидание окончено, – возвестил охранник, и мы с Ларисой суетливо заметались, судорожно пытаясь понять, ничего ли не упустили, все ли успели обговорить. Конечно, сказать хотелось так много, а расставаться оказалось так больно! Но ничего не поделаешь – теперь моя жизнь подчинена строгому распорядку, увы, не мною установленному и не мною контролируемому.

Поэтому, подарив друг другу на прощание ободряющие взгляды, мы с Ларисой расстались. Перед этим принесенные подругой вещи тщательно осмотрели, подозреваю, на местном наречии это называется «обшмонали», и предложили переодеться, вернув казенный наряд. Я несколько удивилась стремлению представителей тюремной администрации получить назад, прямо скажем, не самый модный в этом сезоне костюм, но так как прикипеть к нему душой и телом не успела, то рассталась без лишних разговоров и с великой радостью.

Поэтому в камеру я вернулась уже совсем другим человеком – в модном костюме «Adidas», остатки былой роскоши, и в суперстильных кроссовках «Nike». Когда-то этот комплект одежды приобретался мной для утренних пробежек, но привычкой впустую наматывать круги по городу я так и не обзавелась – моим бизнесом как раз заинтересовался Захаров, и уже очень скоро я носилась, словно загнанная лошадь, но по совсем другой причине и без всякого спортивного костюма, который все это время терпеливо дожидался своего часа в недрах моего гардероба. И вот наконец дождался. Знала бы, что так все повернется, изорвала бы в клочья еще в магазине.

– Вернулась, Маленькая? – Майка аж приплясывала от нетерпения. – Ого, а наряд-то – высший класс, – восхищенно присвистнула она.

– Спасибо, – я кивнула головой.

– Спасибом сыт не будешь, – Майка подскочила ко мне и, бесцеремонно выхватив пакет из рук, вывалила его содержимое себе на кровать. Равнодушно и без всякой брезгливости перебирая в руках нижнее белье, она явно что-то искала.

– Это все? – сурово спросила она, нахмутив брови. – Ни сигарет, ни сладкого? – на этот раз в ее голосе мне почудилась скрытая угроза.

– Так я ведь не успела подругу предупредить, а она человек в тюремных делах неискушенный, совершенно неосведомленный. В другой раз принесет.

– В другой раз?! – Майка аж захлебнулась от злости. – Ты вообще думаешь, куда попала? Это тебе что? Курорт? Больница? Санаторий? Нет, милочка моя, это тюрьма, здесь свидания не чаще двух раз в месяц, и передачи не каждый день принимают. А ты такой шанс профукала, – девушка сжала кулаки и грозно уставилась на меня. Затем, окинув взглядом мою фигуру с ног до головы, добавила: – Снимай костюм!

– Что? – я удивленно уставилась на собеседницу.

– Что слышала! Костюм снимай, говорю. Это будет компенсацией за причиненный нам всем ущерб.

Я растерянно оглядывалась по сторонам, ища поддержки у присутствующих. Напрасно! Женщины лишь равнодушно следили за происходящим. Вмешалась только Светлана, да и то совсем не так, как я того ждала.

– Слушай, новенькая, – женщина откинулась на подушку. – Майка хоть и круженная, но в данном случае права. Ты нас, считай, всех сейчас опрокинула, так что мы вполне заслуживаем награды.

– Да на кой он вам сдался-то? – отчаяние в моем голосе сделало его тонким и писклявым.

– Не переживай, – усмехнулась Света, – найдем, куда пристроить. Обменяем или продадим – покупатель, поверь, найдется.

– Да, ну а мне-то в чем тогда ходить? В одном нижнем белье?

– Зачем в белье? – Светлана поправила рукой беспокойную прядь волос, выбившуюся из «конского хвоста». – Майка, дай новенькой что-нибудь из своей одежды.

– Да на кой она мне сдалась? – в отчаянии прокричала я. – Она же мне даже на нос не налезет!

– А ты попробуй, попробуй. Авось и налезет, – звучащая в голосе Светланы теплота меня не обманула – так удав гипнотизирует свою жертву перед тем, как сдавить ей горло. Сгорая от обиды и унижения, я стянула спортивный костюм и принялась натягивать на себя протянутую Майей одежду, качество которой оказалось столь отвратительным, что процедура далась мне с заметным трудом – даже прикоснуться к синтетике было неприятно, не говоря о том, чтобы натянуть ее на свое тело.

А пожалуй, это тенденция – сначала утренние туфли, теперь этот наряд. Но, следуя своей привычке во всем искать позитив, я быстро утешилась тем, что дальше падать просто некуда. Так что это самое худшее, что могло со мной случиться. По крайней мере, на сегодняшний день.

Так как комплекция у нас с Майкой, не считая роста, была примерно одинаковой, в ее костюм я влезла. Вот только штаны и рукава куртки оказались безнадежно коротки.

Но я быстро нашла утешение – в конце концов, изящным движением мысли брюки можно превратить в бриджи. Что до рукавов, то сейчас как раз самой модной их длиной является три четверти, так что и тут все в порядке.

Правда, сама кофта едва-едва прикрывала мой живот, но если не поднимать руки вверх, а я надеюсь, что и не придется, то вполне удастся избежать демонстрации окружающим своего голого пупка. Все остальное я как-нибудь переживу. В конце концов, хуже, чем ТА история, быть уже не может.

По крайней мере, мне тогда так казалось...

Глава пятая

Судьба без чувства юмора

Я себя чувствую, но плохо.

Ф. Раневская

Первая ночь в заключении прошла без сна. Беззвучно глотая слезы, я тщетно пыталась забыться, хотя бы в дреме. Уснуть мешало и довольно ощутимое урчание в желудке – оказывается, по местной традиции свою «баланду» новички обязаны отдавать «на общак». Не то чтобы я очень жаждала отведать подобную еду, но учитывая, что у меня с утра маковой росинки во рту не было, порадовалась бы и такой пище. Но «бабовщина» есть «бабовщина» – в конце концов, меня не фуа-гра же лишили. Хотя даже если бы речь шла и о нем, я не стала бы затевать скандал с сокамерницами в первый же тюремный день.

Только под утро Морфею удалось заманить меня в свои объятия, и то ненадолго. Очень скоро громкий окрик «подъем» вырвал меня из не слишком цепких лап сна, и я, пошатываясь, встала около кровати, следуя примеру подруг по несчастью.

Дверная пасть распахнулась с металлическим лязгом, и в помещение вошли две надсмотрщицы. Одна застыла истуканом у входа, вторая приступила к осмотру. Бросив беглый взгляд на меня, тюремщица хмыкнула, явно оценив по достоинству мое новое одеяние, но промолчала и принялась проверять вещи. Причем особое внимание уделила именно моей сумке, в то время как сумки остальных удосужились лишь беглого осмотра.

* * *

После завтрака, во время которого порядком уставшие друг от друга женщины обменивались лишь редкими репликами, они решили устроить ток-шоу «Пусть говорит», сделав меня главной его героиней. Тюремная жизнь, судя по всему, не слишком богата на события, что делает любое отклонение от обычного порядка значимым явлением. Очень скоро я поняла, что мне уготована роль Шахерезады – рассказчицы, призванной развлекать местных жителей своими повествованиями о жизни на воле.

К новой роли я отнеслась со всей ответственностью, понимая, что это единственный способ завоевать расположение сокамерниц и избежать насмешек и издевательств с их стороны. Ловко лавируя между правдой и вымыслом, вела я свое повествование. Лед, по которому я шагала, рассказывая о своих бизнес-успехах, был слишком тонок: ни в коем случае нельзя было позволить дамам заподозрить меня в снобизме или высокомерии, ни при каких обстоятельствах нельзя было возбудить у них чувство зависти. Благо годы успешного предпринимательства научили меня общению с самыми разными людьми.

Пока все складывалось достаточно сносно, за исключением того, что все эти расспросы и разговоры отвлекали меня от самого главного – разработки плана действия. Мне следовало что-то предпринимать. Но поразмыслить о том, что именно, никак не удавалось.

– Слушай, ты действительно думаешь, кто-то тебе поверит? – Майка повторила вопрос, наверное, уже в десятый раз. – То есть вот никто в комнату не входил, не выходил, все окна были заперты, иных дверей нет, но есть труп, и ты вообще тут не при делах. Лихо! – Майка насмешливо присвистнула, но тут же получила подзатыльник от Любови Павловны.

– Дай человека послушать, чего пристала, – прокаркала она.

– Ленка, – обратилась ко мне Светлана, которая до этого только внимательно слушала, но никак не комментировала мой рассказ. – Я, знаешь, тут чего подумала? – Женщина поче-

сала пальцем нос. – Я в детстве жила в том старом здании... Ну, знаешь, в начале города? И вот однажды батенька мой, покойничек нынче, решил повесить на стену картину – ему ее на заводе дали. За хорошую работу. Папенька мой и впрямь знатный токарь был, хотя речь сейчас не об этом. Так вот, стал отец гвоздь в стену вбивать, да не удержался на шаткой табуретке. Возьми, да и упали. Стенка же, на которую он хотел полотно повесить, оказалась дряхлой. В отличие от папки моего. Тот, наоборот, мужчина был дородный, здоровый. В общем, в их схватке победа за ним оказалась. Потому перегородочка-то возьми, да и обрушья. А за ней ниша оказалась, а из ниши дверка потайная, аккурат к соседям в ванную комнату. С их стороны она, к слову, тоже была замурована. Дом-то – бывшая помещичья усадьба, а потом, как его под жилой-то передали, так и перестроили кое-чего. Я это к чему? – Светлана торжественно подняла указательный палец к потолку. – Я это все к тому, что в таких старых постройках всякие потайные ходы бывают. Может, и в твоём случае так есть? Я тут пока сижу, всякое повидала. Майка вон, дурында, умудрилась прохожего ограбить аккурат под видеокамерами.

– Дык, они незаметные были, – обиженно закричала девица.

– Ну да, ну да, – закачала головой Светлана. – Любовь Павловна тоже муженька-то пристукнула, да и в полицию сама пошла сдаваться. Но ты-то – другое дело. По всему видать – девка умная. Ну ладно б убила в порыве гнева, но тогда перчатки тебе зачем? Опять же не хотела отпечатков оставлять, а сама все улики прямо под окнами и выбросила. Почему не побежала, а стояла и ждала, когда тебя задержат? Или я в тебе ошибаюсь, и ты полная идиотка, или тут и впрямь подставой пахнет.

Мое сердце переполнилось благодарностью – наконец-то хоть кто-то усомнился в моей виновности.

– А я что говорю! – воскликнула я, едва сдержавшись, чтобы не кинуться к Светлане на шею. – Только почему же следователь этого не видит?

– Да что следователь? – равнодушно пожала плечами женщина. – Ему главное дело закрыть. Улик против тебя более чем достаточно, а появивсь сомнения, придется расследование проводить. А там еще неизвестно, чем оно закончится. Всяк ему на фиг не нужен. Вот и получается то, что получается.

– И как же мне быть? – в отчаянии воскликнула я.

Светлана равнодушно пожала плечами.

– Да кто ж его знает, – спокойно ответила она. – Тебе бы адвоката хорошего, а лучше – частного сыщика. Только ты же сама говорила, денег у тебя нет. Может, квартиру продать?

– Продала бы, но она в залоге – ипотечная, – вспыхнувшая было надежда погасла вновь. – Будь я на свободе, сама бы занялась расследованием. А из тюрьмы что сделаешь?

Сокамерницы только равнодушно пожали плечами да головами покачали, признавая отсутствие возможностей для активных действий.

Воцарившуюся в камере тишину нарушил скрежет затвора и скрип железной двери, возвестившие о прибытии посетителя. Женщины лениво встали, и я последовала их примеру. Утренняя надзирательница, видимо, сдала свою смену, поэтому на пороге стояла незнакомая женщина, практически не отличимая от своей коллеги.

– Маленькая, на выход, – злобно прокричала она, и я даже сразу не поняла, что ее слова адресованы мне.

– А куда меня поведут? – закономерный и вполне резонный вопрос почему-то вывел тюремщицу из себя.

– Поговори у меня тут, – злобно прошипела тюремщица. – Куда надо, туда и поведут, – и добавила, грубо рассмеявшись: – На расстрел пойдешь.

У обитателей дома скорби, как я про себя окрестила вынужденное жилище, было своеобразное чувство юмора. Но ничего не поделаешь – придется привыкать. А там, кто знает, – возможно, когда-нибудь и я научусь ценить подобные шутки, аплодируя их авторам. Представ-

ляю себе, как лет через десять, вряд ли за преднамеренное убийство меньше дают, я буду гоготать щербатым ртом над плоскими шутками надзирателей. Меня передернуло от этой мысли – очень надеюсь, такого никогда не произойдет.

Понуро плелась я впереди надзирательницы, сложив руки за спиной и четко следуя ее указаниям – направо, налево, к стене, прямо. Длинным извилистым коридором, бесконечно унылым, как и все это заведение в целом, шла я неведомо куда. А ведь знай я, что ждет меня впереди, право слово, инсценировала бы побег, чтобы погибнуть при его попытке.

Как будто мало мне неприятностей! Но что поделать, если мой ангел-хранитель, по всей вероятности, отправился в отпуск и лежит себе где-нибудь на Венере, греет крылышки. Иначе как еще объяснить тот факт, что за последние сутки беды преследуют меня буквально по пятам?

И лучшим тому доказательством является визит человека, свидание с которым и при более благоприятных обстоятельствах не сулило ничего хорошего, а уж теперь видеть его мне хотелось меньше всего.

Увы! Ничего не поделаешь – мой крылатый защитник своими обязанностями явно манкирует, зато вовсю резвятся злые силы, которые, я уверена, и привели Борисова в этот день и в этот час на встречу со мной.

Мужчина встал на звук открывающейся двери, оторвавшись от изучения каких-то бумаг. Этот джентльменский поступок, мог бы и не вставать, настолько не вязался с характером посетителя, что я усмехнулась, вскинув бровь. Мне показалось, или мужчина и впрямь смутился?

Одернув рукава, я машинально взглянула на свои руки и тут только вспомнила о своем новом одеянии. Щеки и уши запылали огнем. Задержав рвущийся из груди стон, я нацепила на лицо нагловатую ухмылку и развязно развалилась на стуле – именно так ведут себя заключенные в телевизионных сериалах.

Если подобное поведение и удивило Борисова, виду он не подал. Внимательно меня осмотрев, он вновь уткнулся в бумаги.

Хлопнувшая дверь возвестила уход конвоира, и мы остались с моим врагом наедине. В голове роился миллион вопросов, но задавать их я посчитала ниже своего достоинства, предпочтя ожидать, когда ситуация разъяснится сама собой. В конце концов, я об этом свидании не просила, значит, и не мне начинать беседу.

Но и визитер с этим не торопился – он продолжал внимательно изучать какие-то документы, время от времени нарушая тишину шуршанием бумаг. Однако это даже интересно! Ему больше почитать, что ли, негде?

Наконец Борисов оторвался от своего увлекательного занятия и поднял на меня глаза.

– Меня Коллегия прислала, – непонятно к чему заявил он. – Я дежурный адвокат, бесплатный защитник для вас. Вы же ходатайствовали о его предоставлении?

Я недоуменно уставилась на собеседника. Открыла было рот, чтобы что-то сказать, но так ничего путного не придумав, его и закрыла. Ничего себе финт судьбы! Обдумав неожиданное сообщение, наконец-то смогла выдать из себя вопрос:

– С каких это пор лучшие адвокаты города, а то и страны, занимаются бесплатными делами?

Мужчина скривился в насмешливой улыбке и пожал плечами.

– Всегда, – ответил он. – В Коллегии нет иерархии, и защитники не делятся на «лучших» и «худших». Есть дежурный адвокат, который обязан представлять интересы тех граждан, которые не могут по тем или иным причинам нанять себе защитника за деньги.

Я недоверчиво смотрела на мужчину, ища в его словах подвох. Но как ни старалась, ничего дельного в голову не приходило. Можно было бы предположить, что Борисов в свойственной ему манере решил надо мной поиздеваться, но тогда пришлось бы признать, что моя

скромная персона заслуживает таких серьезных усилий с его стороны. Поверить в это было куда сложнее, чем принять за истину правдивость его утверждений.

Я кивнула в знак того, что уяснила преподнесенную мне информацию, а затем более внимательно присмотрелась к лежащим на столе бумагам. Поняв, что Борисов все это время читал материалы моего дела, спросила его, затаив дыхание:

– Ну, что, доктор, плохи мои дела, да? Большой скорее мертв, чем жив?

Вряд ли кого-то мог обмануть мой делано беззаботный тон, да и голос предательски дрожал от волнения. Борисов внимательно смотрел на меня, не торопясь с вердиктом. Наконец он произнес:

– Конечно, улики против вас более чем достаточно, но и к следствию вопросов не меньше. Бросив на адвоката взгляд, полный благодарности, я медленно проговорила:

– А вы действительно на моей стороне?

Мужчина удивленно вскинул бровь:

– Конечно, я же ваш защитник.

– Ну, мало ли, – я пожала плечами. – Всякое, знаете ли, бывает. С другой стороны, – я усмехнулась, – выбор-то у меня невелик.

– Это правда, – усмехнулся Борисов. – У вас есть хоть какие-то соображения относительно того, кто мог убить Захарова?

– Знал бы прикуп... – начала я и тут же осеклась. Господи, только день в тюрьме, а уже начинаю разговаривать на местном сленге.

– Нет, – спокойно проговорила я. – Не имею ни малейшего представления о том, что произошло.

– Подумайте, – попросил мужчина, – может быть, все же что-нибудь вспомните.

Я отрицательно помотала головой.

– Но зато знаете что?! – неожиданно вспомнив утренний разговор, оживилась я. – Мы тут с девочками в камере подумали, – поймав удивленный взгляд Борисова, только рукой махнула, – и кое до чего все же додумались.

– Неужели? – адвокат усмехнулся и откинулся на стуле. – Девочки в тюрьме – они такие, они много до чего могут додуматься.

Я обиженно засопела, решив не реагировать на выпад.

– Ну, так вот... – продолжила свою мысль. – В общем, знаете, офис Захарова располагается в старинном дореволюционном здании. А что, если там есть какие-то потайные ходы или скрытые комнаты имеются?

– Как в рыцарских замках, что ли? – усмехнулся Борисов. Еще один юморист-самоучка.

– Понимаю, – я виновато улыбнулась. – Это звучит дико, но ведь проверить-то стоит? – словно утопающий, хваталась я за любую соломинку. – В конце концов, не мог же убийца испариться без следа. Где-то же он прятался все это время и как-то же вышел в итоге незамеченным.

– Да, я тоже об этом думал. Не переживайте, я рассмотрю все варианты, вплоть до проверки воздухопроводов.

В тот момент все былые обиды были забыты. По крайней мере, на минуту уж точно! Волна благодарности сбила меня с ног, отбросив едва ли не в объятия Борисова – я еле сдержалась, чтобы не кинуться ему на шею. А все потому, что он не выказал ни малейшего сомнения в моей невинности, он мне верил, хотя и совершенно не знал. Но может, я его просто не так поняла?

– Так, значит, вы мне верите? – решила уточнить я на всякий случай.

– Конечно! А не стоит? – недоуменно воскликнул адвокат.

– Нет... Да... То есть... Я не знаю... Просто... Ведь все улики против меня, сами же сказали.

Борисов как-то странно посмотрел на меня, а затем неожиданно скользнул взглядом вниз и брезгливо поморщившись, спросил:

– А что у вас за наряд?

Все! Этого оказалось достаточно, чтобы чары развеялись, прекрасный принц вновь превратился в злейшего врага. О, как же хорошо знаком мне этот его взгляд. Сколько лет я пыталась его забыть, и вот снова. Но на этот раз Борисову не удастся насладиться моим унижением. Довольно! Гордо вскинув голову, я сложила руки на груди и ответила:

– А что? Не нравится? – я обнажила зубы в улыбке. – Конечно, не Коко Шанель, так здесь и не дом моды. Я уж не говорю о том, что у меня отродясь вкус не водился, откуда ему взяться-то у меня, у деревенщины.

В этот момент я поймала себя на мысли, что неосознанно переняла манеру разговора Майи, и ужаснулась – ниже падать некуда.

– Простите, – я устало провела руками по волосам. – Просто день выдался тяжелый, – исподлобья бросив взгляд на Борисова, крайне удивилась, заметив его смущение.

– Да нет, – ответил он, – это мне следует извиниться за свою бестактность. Просто вырвалось.

Ага, плавали, знаем эту твою несдержанность.

– В общем, – мужчина захлопнул папку и поднялся, – я прямо сейчас займусь вашим делом, а вы уж потерпите немного. Уверен, мне удастся добиться вашего освобождения в самое ближайшее время.

Столь обнадеживающее заявление заставило мое сердце биться так часто, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Неужели это возможно? А я-то уже собралась здесь провести если не остаток жизни, то значительную ее часть.

– Правда? Вы думаете, у вас получится? – если бы надежда могла открывать двери, я бы прямо сейчас оказалась на свободе.

– А почему нет? Вы невиновны, а я, как вы сами сказали, лучший в городе адвокат. А то и во всей стране, – Борисов весело мне подмигнул. – По-моему, поводов для оптимизма более чем достаточно!

Глава шестая

Семь лет тому назад

Напора красоты не может сдержать ничто! (Глядя на прореху в своей юбке.)

Ф. Раневская

Снова ночь без сна. Моя вторая ночь в этом заведении. Правда, на этот раз хотя бы не на пустой желудок. Вопреки ожиданиям, тюремная еда оказалась вполне себе сносной. Хотя, может быть, просто сказалось мое вынужденное суточное голодание. Отбившись от расспросов сокамерников равнодушным: «Адвокат приходил. Так себе, ни рыба, ни мясо», я уберегла себя от дальнейших разговоров, которые непременно последовали бы, скажи я, кто именно взялся меня защищать.

Говорят, человеку необходим двадцать один день, чтобы адаптироваться к любым жизненным условиям. Что ж, если это так, то мне осталось всего девятнадцать. А пока... Пока именно это время суток – самая тяжелая пора. Если день хоть как-то заполнен событиями, то с приходом темноты в душе оживают самые глубинные страхи. Что ждет меня впереди? Что будет дальше? Если верить Светлане, здесь просто курорт по сравнению с колонией. Учтывая инкриминируемое преступление, мне грозит строгий режим. И если здесь, по закону, лица, привлекаемые к уголовной ответственности впервые, не могут находиться в одной камере с рецидивистами, то в колонии все наверняка будет иначе.

Я сглотнула подступивший к горлу ком и подавила желание разреветься. Что толку? Разве слезами можно помочь моему горю? Кроме того, пусть маленькая, но надежда все же жила в моем сердце. Вдруг Борисову удастся совершить чудо, и до колонии дело вовсе не дойдет. В конце концов, не зря же он имеет статус лучшего адвоката в городе! А то и в стране.

Хотя, честное слово, будь у меня выбор, я бы предпочла кого-либо другого. Пусть и не такого маститого и именитого. Пусть даже совсем неизвестного, но только не Борисова. От одной мысли, что мне придется встречаться с ним с завидной регулярностью, терпеть его надменный насмешливый взгляд, сводило зубы, а в животе нервы сплетались в тугой клубок.

Неожиданно для себя я вновь вернулась в тот день семь лет назад на церемонию награждения «Молодая бизнесвумен».

* * *

– В конце концов, избавляйся ты уже от комплекса Золушки, – подперев руками боки, Лариса закрыла телом выход из примерочной, перекрывая мне все пути к отступлению. – Говорю тебе, в этом платье ты произведешь настоящий фурор! Оно тебе так к лицу!

Я с сомнением оглядела себя в зеркале. Кажется, нелепее мне довелось выглядеть лишь однажды – на школьном выпускном, наряд для которого тетка Тамара наспех сшила из своего свадебного платья.

Но Лариса и слушать ничего не хотела.

– Вот из-за детских психологических травм ты и сомневаешься. Не считаешь ли, что пора уже вылезать из джинсового «панциря»? Женщина ты или где?

– Да я не против, – так и эдак рассматривая себя со всех сторон, буркнула я. – Но, может быть, все же начать с чего-то менее вызывающе нарядного? В конце концов, есть же маленькое черное платье – классика жанра.

– Ага, – Лариса решительно тряхнула головой. – Вот именно, что классика! Представляешь себе, сколько девиц явится в таких платьях на церемонию? Вы будете походить на батальон черноплатьевых солдат.

– Кого-кого? – рассмеялась я. – Зато в этом наряде я точно сойду за генерала. Свадебного.

– Шути сколько хочешь, но я тебя отсюда не выпущу, пока ты хотя бы хорошенько не подумаешь, – подруга одарила меня суровым взглядом и вновь перекрыла выход, будто опасаясь, что я немедленно ретируюсь бегством. Что ж, она неплохо меня знает – такая мысль и впрямь пришла мне в голову. Мне не терпелось покинуть это царство фатина и кринолина.

– Ларис, ну сжался ты надо мной, – сложив руки в молитве, простонала я. – Ну, правда, в этом одеянии я похожа на Снежную королеву. Только шлейфа не хватает.

– В этом платье ты выглядишь, словно принцесса! – воскликнула Лара. – Ты выглядишь именно так, как и подобает выглядеть Золушке на своем финальном балу. И, черт возьми, ты этого заслужила! Пора прощаться с ролью замарашки-падчерицы.

– Думаешь? – с сомнением оглядела я себя в зеркале, наверное, в стотысячный раз. Вообще-то платье мне нравилось. Никогда в жизни не было у меня ничего подобного – даже в детском саду на утренниках мои наряды традиционно оказывались самыми скромными.

– Да ну, к черту! – решительно воскликнула я. – Ты совершенно права – все это комплексы бедной сиротки, которые следует в себе изживать. Берем!

Лариса радостно рассмеялась и едва не захлопала в ладоши.

* * *

– Ну, откуда мне было знать, что здесь другой дресс-код? – шептала Лариса мне на ухо спустя несколько дней.

– Может, из текста приглашения, в котором черным по белому написано: «форма одежды – деловой костюм»? – ехидно прошипела я.

– Так ведь маленьким же шрифтом написано, – оправдывалась подруга. – И потом ты тоже не заметила. А я, я... – в глазах Ларисы блеснули слезы, – ...я ведь хотела, как лучше.

Меня охватило раскаяние, и я одобряюще сжала руку своей спутницы.

– Прости меня, пожалуйста... – прошептала ей на ухо. – Конечно, ты ни в чем не виновата. В конце концов, это ведь я выбрала это платье. Да и приглашение, конечно, я могла бы сама внимательно изучить.

Лариса обняла меня рукой за плечи и произнесла тихо:

– Зато ты точно здесь самая красивая!

– Ну не знаю, как насчет самой красивой, но самая приметная это точно, – усмехнулась я. – С моим ростом и так остаться незамеченной невозможно, а уж в наряде принцессы об этом и вовсе можно забыть. Особенно если учесть, что все остальные присутствующие облачены в строгие деловые костюмы.

Но делать было нечего. Мысленно нацепив на голову корону, я прошествовала к своему столику, провожаемая местами любопытными, а местами насмешливыми взглядами. Так же мысленно я показала всем присутствующим язык и пожелала отправляться к черту. В конце концов, как хочу, так и одеваюсь!

Правда, оказавшись на своем месте, я вздохнула с очевидным облегчением. Если бы могла, замаскировалась под окружающую обстановку и не отвечивала. Увы, впереди меня ожидало самое сложное – подъем на сцену за наградой. Представляю, как будет переливаться мой наряд под светом софитов! Жаль, сегодня не Новый год, а то вполне могла бы сойти за праздничную елку. Опять же и высота подходящая.

Но на дворе стояло жаркое лето, а значит, и мимикрировать под хвойное дерево не удастся. Хорошо еще, что этот ад скоро закончится – о том, чтобы остаться на празднич-

ный банкет, и речи быть не могло. Получу свою награду и сразу же сбегу. Главное – туфельку не потерять. С принцами нынче дела обстоят не очень, да и моя обувь сорок первого размера вряд ли тянет на башмачок Золушки.

– Для вручения награды «Открытие года» приглашается Борисов Илья Михайлович, член Коллегии адвокатов, заслуженный гражданин города... – ведущий перечислял регалии поднявшегося на сцену мужчины с такой радостью, будто ему доплачивали за каждое озвученное звание. Хотя как знать, может, так и есть. Надменный вид стоящего рядом адвоката свидетельствовал о его безмерном тщеславии. Не удивлюсь, если он и впрямь заплатил, чтобы администратор торжества не забыл упомянуть ни одно из его достижений – даже стажировку в Оксфорде упомянул.

Я огляделась по сторонам, ожидая увидеть насмешливые лица, но, к моему удивлению, все гости с любопытством, а кое-кто и с жадностью смотрели на Борисова. Похоже, этот «парад тщеславия» заметила только я. Хотя кто бы говорил – благодаря наряду, звание «выпендрожник вечера» будет присуждено именно мне.

– И награда вручается... – ведущий сделал эффектную паузу, передавая микрофон Борисову, который неспешно открывал конверт – ситуация достаточно комичная, учитывая, что победители известны заранее. Я приготовилась стартовать на сцену.

– Веб-студия «Мелена», руководитель Маленькая Елена Владимировна, – буркнул Борисов, и я, вскочив, быстро потрусила за оргалитовой статуэткой, стараясь выглядеть как можно менее заметно. Разумеется, перестаралась. Запутавшись в длинном подоле, я рухнула на ступеньках, распластавшись во весь рост. Зал сначала ахнул, а потом, видя, что никаких серьезных увечий я не получила, сдержанно захихикал.

Сгорая от стыда, поднялась я на сцену, не успев подобрать уроненную в пыль корону. «Мысленную», разумеется. Слава богу, от диадемы в последний момент я отказалась, посчитав, что это, пожалуй, чересчур. От одной мысли, что я могла бы явиться сюда с короной на голове, меня бросило в жар. Затравленно улыбаясь, я посмотрела на Борисова, ища у него моральной поддержки, но наткнулась на брезгливый взгляд – тот самый, которым обычно смотрят на раздавленную гусеницу. Впрочем, примерно как она я себя сейчас и чувствовала.

Улыбка медленно сошла с моего лица, и я очень надеюсь, что я не выглядела в тот момент жалкой. Выхватив из рук адвоката свою награду, скомкав заранее подготовленную речь и наспех пробурчав слова благодарности в адрес организаторов, а также отметив «неоценимый вклад сотрудников компании», я ретировалась со сцены, умудрившись даже ни разу не споткнуться.

– Ненавижу, – процедила я сквозь зубы, плюхаясь на свое место.

– Кого? – удивилась Лариса.

Вдох, выдох, вдох, выдох – настраиваемся на позитивную волну, вспомнила я рекомендации своего инструктора йоги.

– Никого, – ответила подруге уже спокойнее. – Разве что себя за несурзность, нелепость и неуклюжесть.

– Ну-ну, – Лариса успокаивающе похлопала меня по руке, – слишком много «не». Ничего такого страшного не произошло. Подумаешь, упала. Помнишь, как Женька Карамзина на выпускном выпила на спор бутылку шампанского и танцевала стриптиз на учительском столе? И то ничего.

– Ага, ничего. Женька Карамзина, спешу тебе напомнить, так с тех пор и танцует стриптиз.

– Вот видишь! – Лариса радостно рассмеялась. – Никогда не знаешь, как то или иное событие обернется. Все, что ни делается, все к лучшему.

Я сначала с сомнением покачала головой, но в конце концов веселье подруги передалось и мне. Задорно улыбнувшись, я воскликнула:

– Думаешь, сегодняшний номер «с падением» определит и мою судьбу тоже? Даже не представляю, где мне может пригодиться приобретенный навык. Разве что на цирковой арене.

– Точно! Завяжешь с интернет-бизнесом, устроишься в цирк «Дю селей», объездишь с ним весь мир, исполнишь свою давнюю мечту о кругосветном путешествии.

На этот раз я расхохоталась во весь голос – умеет же Лариска поднять настроение, что и говорить.

– Точно, точно. Всенепременно. Слушай, а не пора ли нам «пора»?

– Уже? – подруга даже не пыталась скрыть разочарование в голосе. – А как же банкет?

– Ты серьезно хочешь подвергнуть меня еще и этому испытанию? – из моей груди вырвался глухой стон.

– Да брось ты. Никто на тебя не обращает никакого внимания. Ну давай останемся. Пожалуйста, – в голосе Ларисы слышалась мольба. И я сдалась. В конце концов, все равно хуже уже быть не может. Посижу тихонечко в уголке, предоставив подруге возможность поразвлекаться.

* * *

– Ладно тебе, Илья! – выйдя из зала в поисках туалета, я услышала веселый мужской голос. Говоривших скрывала от меня высокая ширма, отгораживающая импровизированную «зону для курящих». Видно парней не было, зато слышно прекрасно. Не желая подслушивать чужой разговор, я развернулась, чтобы уйти, но замешкалась, высвобождая подол платья из плена дверной ручки, за которую я, со свойственной мне «грациозностью», разумеется, зацепилась. Как же бесит этот наряд!

– Оставайся! Только посмотри, сколько здесь цыпочек – одна другой краше, – невидимый некто продолжал уговаривать собеседника.

– Ты шутишь? – голос показался мне знакомым. – Где ты здесь увидел хоть одну маломальски приличную девицу? Все помешанные на работе карьеристки и охотницы за толстыми кошельками, – тон говорившего выдавал крайнюю степень презрения. – Хотя есть, конечно, и исключение – девушка вне категории. Видел эту нелепую принцессу в пышном платье? Барышню под два метра ростом с «соответствующей» фамилией Маленькая?

Отчаявшись отцепить ткань от дверной ручки, но страшась, что услышу в свой адрес что-то еще более гадкое, я со всей силы дернула подол. Раздался треск разрывающейся материи, и на платье появилась дыра. Само собой, в области попы. Хорошо еще, что в результате происшествия посторонним взглядам открывалась только куча нижних юбок – иначе было бы совсем «весело».

Увы, но мои манипуляции не остались незамеченными – на шум из-за ширмы выглянули мужчины и с интересом на меня уставились. Окатив их взглядом, полным презрения, я гордо развернулась и вернулась в зал, так и не достигнув цели своего путешествия – о том, чтобы прошествовать через весь коридор, сверкая дыркой на попе, под взглядами Борисова, а это, разумеется, был он, и его приятеля не могло быть и речи.

* * *

Лежа на тюремной кровати, пялясь на тусклый свет красной лампочки, свет в камере не выключали даже по ночам, я вновь переживала события того вечера так, как будто они случились вчера. Прошло пять лет, но оказалось, что раны все еще не зажили. Они лишь покрылись корочкой, которую сковырнула сегодняшняя встреча с Борисовым. И вот теперь болячки вновь кровоточат.

Нет, конечно, за эти годы мы и раньше встречались с адвокатом – город у нас небольшой, все спим под одним одеялом. Настолько, что мы с Борисовым даже неоднократно оказывались за одним банкетным столом. Когда это случалось, мужчина неизменно демонстрировал поведение истинного джентльмена, то ли забыв о том инциденте, то ли, напротив, стремясь загладить вину за него.

В меня же в его присутствии будто бес вселялся. Я становилась колкой, насмешливой, язвительной, а порой даже и грубой. Но если и задевали адвоката мои выпады, виду он никогда не подавал, демонстрируя безупречное воспитание. Иногда я задавалась вопросом, где оно было в тот злопамятный вечер, но надолго размышлениями на этот счет голову себе не забивала, стараясь тут же забыть о любых контактах с человеком, которого презирала всеми фибрами души.

И вот теперь, похоже, мне придется общаться с ним куда чаще, чем хотелось бы. Или нет? Вполне возможно, будучи бесплатным защитником, он не слишком старательно будет исполнять свои функции, и тогда наши свидания окажутся редкими. Но так ли это хорошо для меня? Терзаемая подобными вопросами, я в конце концов забылась тревожным, беспокойным сном.

Глава седьмая

Маленькая принцесса и большие неприятности

Знаете, – вспоминала через полвека Раевская, – когда я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности.
Ф. Раевская

Даже если не принимать во внимание неудобство Майкиного костюма, ходить в нем постоянно я не могла. Не то чтобы мне хотелось прослыть тюремной модницей, но в конце концов это даже негигиенично. Следовало бы попросить надзирательницу вернуть мне казенный наряд – как я поняла, на следующее свидание с Ларисой рассчитывать можно не скоро, да и позвонить ей с просьбой о передаче тоже никак не получалось. Оставался только казенный комплект. По крайней мере, пока не узнаю здешние порядки – мои сокамерницы имели немало такого, что не слишком соотносилось с требованиями закона, как я себе их представляла. Но начинать «карьеру» эка с его нарушений, как бы это глупо ни звучало в сложившихся обстоятельствах, мне отчего-то не хотелось.

Поэтому я твердо решила запросить у администрации новую одежду при первом же удобном случае. Первый такой представился во время утреннего обхода. И я честно попыталась заговорить с надзирательницей, но та грубо меня прервала, сообщив, что «заключенные говорят, только когда к ним обращаются». Второй же возможности не представилось и вовсе. И не то чтобы меня это очень огорчило, ведь так произошло из-за того, что меня после обеда выпустили на волю.

Событие, которое в моих мечтах знаменовали праздничные фейерверки и салюты, прошло более чем просто и обыденно. В камеру заглянула женщина-охранник и без всяких объяснений пригласила меня с вещами на выход. В «камере хранения» мне выдали сотовый и сумочку, одежду не вернули, видимо, приобщив ее к делу в качестве вещдока, а затем через самую обычную дверь, не украшенную ни шарами, ни цветами, я вышла на улицу. Небольшой двор, скрипучие ворота, равнодушный взгляд охранника, вот и все, что сопровождало меня на пути к моей новой-старой свободной жизни.

Жадно глотнув грудью воздух, я огляделась по сторонам и была чуть не сбита с ног налетевшей на меня подругой.

– Ленка, – вопила Лариса, заливаясь слезами, – родная! Как же я рада!

– Ну, ну, будет тебе, – проговорила я тоном вернувшегося с войны солдата. – Все хорошо. Ну, хватит слезы-то лить. Радоваться нужно.

– Так я и радуюсь, – всхлипнула Лариса. – Радуюсь, конечно! Ну, пошли, – проговорила она, подхватывая мою сумку. Я засемила следом, наслаждаясь созерцанием окрестных пейзажей. Сказать по чести, виды были те еще – здешние городские пейзажи поражали своей убогостью. Но, поверьте, в тот момент с ними не могли соперничать никакие Венеции, Праги и Вены. Ни до, ни после не радовалась я так тому, что видела.

Щелкнул брелок сигнализации, и Ларин «Мини Купер» весело отозвался звуковыми сигналами и миганием фар. Подруга заботливо открыла пассажирскую дверь, дождалась, пока я усядусь, и только после этого, забросив вещи в багажник, прыгнула за руль.

Заурчал мотор, реагируя на поворот ключа зажигания, и мы медленно тронулись в путь.

Все еще не веря своему счастью, ожидая, что из ворот тюрьмы вот-вот выскочит охранник с дубинкой и помчится за нами вслед, требуя остановиться и вернуть меня в мой «новый дом», я смогла немного расслабиться только тогда, когда мрачное здание тюрьмы совсем скрылось из виду.

Переведя дыхание, я взглянула на следящую за дорогой подругу и потребовала:

– А теперь рассказывай, что произошло?

Та замялась:

– Лен, давай не сейчас, а? Давай позже, тебе нужно отдохнуть, помыться, в конце концов, а то... – Лариса сморщила нос, – ты уж извини, но пахнет от тебя не очень... Тюрьмой пахнет, в общем.

Я рассмеялась:

– Тебе-то откуда знать, какой у нее аромат?

– А я и не знаю, – весело улыбнулась подруга, – просто предполагаю.

Кивнув, я уставилась в окно и замолчала. Но ненадолго.

– Лар, ты просто скажи, меня насовсем отпустили или как?

Подруга с сочувствием посмотрела мне в глаза, а затем отвела взгляд.

– Ясно... И надолго меня выпустили? Это типа домашнего ареста, что ли?

– Да нет, ты что? Там, я думаю, совсем другой порядок. Тебя под залог выпустили. Это значит, подозрения с тебя не сняты, но просто возникли обоснованные сомнения в твоей безоговорочной виновности, и ввиду отсутствия очевидной твоей социальной опасности, а также того, что преступление совершено впервые, бла-бла-бла и все такое... В общем, вот!.. О боже, а что у тебя за наряд? – наконец-то обратила она внимание на мое одеяние.

Я поежилась:

– Долго объяснять, – и добавила: – у меня, милочка, к вам много вопросов. Советую подготовиться. Но все потом, после чашки кофе, а то и двух. Я несколько дней кофеин не употребляла, так что теперь у меня кофейная ломка – сама понимаешь.

* * *

Громким урчанием кофемашина известила о том, что процесс приготовления ароматного напитка запущен. Господи, как же мне этого не хватало! Будучи законченным кофеманом и кофеголиком, я не мыслила и дня без бодрящего «зелья». А тут и вовсе речь шла о нескольких сутках.

Уютно расположившись за барной стойкой, поглощали мы с Ларисой купленные по дороге пирожные, запивая их обжигающим кофе. Ласковым взглядом обвела я свою уютную квартирку-студию, замечая мелочи, которые в привычных обстоятельствах мой взгляд не цепляли. Теперь же каждая безделушка казалась исполненной особым смыслом, служа напоминанием о том или ином событии.

Вот привезенный из Египта пергамент, а там кастаньеты – свидетельство жаркого отпуска в Испании. Как же мы тогда с Ларисой оторвались! Огромный аквариум в полстены, на который меня уговорил дизайнер по интерьеру. Предполагалось, что созерцание лениво покачивающих хвостами золотых рыбок будет дарить мне покой, настраивая на позитивную волну. Вместо этого я получила серьезную головную боль и солидную нагрузку на бюджет, особенно заметную в последний год. Но теперь я готова была выловить каждую рыбку и поцеловать ее в пухлые губки. Как же я люблю свое гнездышко! Пожалуй, никогда прежде не понимала я этого так отчетливо, как сейчас! И пусть ипотечные платежи все еще тяжелым грузом давят на мои хрупкие плечи, все равно это мой дом! МОЙ ДОМ!

– Ладно, рассказывай, – вернувшись к реальности, потребовала я у Ларисы.

– Слушай, а ты не хочешь для начала переодеться, душ принять? – брезгливо поморщившись, ответила та.

– Успеется, – я легкомысленно махнула рукой, – зубы-то мне не заговаривай. Говори, что произошло.

– Ты только не злись, ладно?

– С чего мне злиться? – не поняла я. – Что за история? Что ты натворила? Ты что, следователю взятку дала?

Подруга испуганно замотала головой.

– Нет, нет, – пролепетала она, – ничего подобного. Это все Борисов. Он сумел добиться твоего освобождения под залог.

Я пожала плечами.

– Ну хорошо. Чего мне тогда злиться-то?

– Ну, видишь ли... – Лариса замялась и принялась чертить ложкой круги на кофейной поверхности, – ...сумма залога... Просто она... Просто она составляет два миллиона рублей.

– Сколько? – я чуть кофе не поперхнулась. – Ничего себе цена свободы! И откуда деньги?

Лара вздохнула, набрала в легкие воздуха, будто перед прыжком в воду, и выпалила:

– Я взяла кредит!

– С ума сошла? – закричала я.

– Я же говорила, ты будешь злиться, – сокрушенно прошептала подруга.

– Конечно, буду, – воскликнула я и, вскочив, принялась наматывать круги по кухне. – Ты же знаешь мое отношение к банковским займам. Ипотека – единственное исключение, только подтверждающее правило. Зачем ты это сделала?!

– А как, по-твоему, мне следовало поступить? – возмутилась Лариса. – Оставить тебя в тюрьме гнить?

– Почему гнить-то? – я вытаращила глаза. – Вполне себе там условия нормальные. Не настолько ужасные, чтобы платить два миллиона за выход. Жуть! Катастрофа! Ужас просто, – причитала я, заламывая руки. – И кто тебе только деньжищи-то такие дал?

– Я квартиру заложила, под залог кредит дают вполне себе охотно, как выяснилось, – потупила взор Лариса.

Я ахнула. Трешка в центре Ларисе досталась от родителей, решивших провести остаток жизни в деревне, перебравшись туда несколько лет назад. По сути, это единственный актив моей подруги, ее «приданое», как она часто повторяла со смехом.

– Ты только не злись, – затараторила Лариса. – Просто я как представила, что ты «там», – по негласной договоренности тюрьма стала местом, которое нельзя называть. – И потом, чем я рискую? Ты же никуда не денешься. Значит, рано или поздно эта история закончится, деньги мне вернут, и я расплачусь с банком.

– Вот именно, – я отчаянно запустила руку в волосы, будто намеревалась их рвать на себе, – рано или поздно. А что, если поздно? Что, если разбирательство затянется? А по кредиту нужно каждый месяц платить, да еще и с процентами!

– Да ладно тебе! – подруга махнула рукой. – Прорвемся.

– Так, – я решительно стукнула кулаком по столу, – оплату кредита я, разумеется, беру на себя. Благо, как тут выясняется, подписанный мною договор передачи фирмы пропал, так что компания по-прежнему моя. Думаю, теперь, когда Захаров мертв, нам удастся восстановить положение и вернуться к привычным заработкам.

– Как скажешь, босс, – радостно отсалютовала подруга.

Я устало улыбнулась:

– На том и порешим, а теперь я лично в душ – очень уж хочется.

* * *

Мыльная вода стекала по моему телу, увлекая за собой в канализацию мерзкий тюремный запах. Но избавиться от него полностью никак не удавалось. Снова и снова лила я на мочалку ароматный гель, снова и снова с остервенением терла ею кожу докрасна. Психосоматика – все шло из головы, а значит, намыленной мочалкой проблему точно не решить.

– Лен, – постучала в дверь ванной подруга, – звонил Мелкий. У него опять какие-то неприятности, мне нужно срочно ехать.

Мелким мы называли брата Ларисы, который, правда, из некогда маленького мальчугана давно уже превратился в здоровенного детину – источник хлопот и неприятностей всей Лариной семьи. Он все время встревал в какие-то полукриминальные истории, и моей подруге приходилось тратить немало времени и средств, чтобы его оттуда вытащить.

– Езжай, конечно, – крикнула я, подавив желание попросить ее остаться. Но ведь это будет несправедливо, учитывая, сколько всего подруга для меня уже и так сделала.

Хлопнувшая входная дверь возвестила об уходе Ларисы, и я почувствовала, как соленая влага заструилась по щекам, смешиваясь с горячей водопроводной водой.

Проведя в душе еще, наверное, полчаса, наревевшись вдоволь до красных глаз, я обернулась большим банным полотенцем, соорудила из второго тюрбан на голове и шагнула в пугающую пустоту квартиры. Никогда прежде не ощущала я одиночество так отчетливо, как сейчас. Подойдя к аквариуму, я постучала пальцем по стеклу, привлекая внимание золотых рыбок, но те лишь лениво вильнули своими хвостиками, не удосужив меня вниманием. Эх! Что за жизнь такая! Со своей работой я даже не могу завести собаку, кота или еще какое-то другое более ответное на ласку существо, чем обитатели домашнего водоема.

* * *

Мой взгляд упал на лежащую на полу одежду – «подарок» недавней сокамерницы. Преодолевая отвращение, схватила я продукцию китайской легкой промышленности и затолкала ее в мусорное ведро.

Упав на диван, я устала на шкафчик кухонного гарнитура, скрывавший в своих недрах тюремную одежду. Сама мысль о том, что ЭТА гадость все еще в моей квартире, не давала мне покоя, свербела в голове, вызывая недомогание на физическом уровне. Сколько я пялилась на дверцу шкафа, точно не знаю, но в конце концов, не выдержав, извлекла синтетический костюм из мусорки, намереваясь унести его из дома прочь. И тут мой взгляд упал на стройный ряд бутылок с чистящими средствами, хранящихся рядом с мусоркой. Идея оформилась сама собой.

Внимательно изучив этикетки, нашла нужную – ту самую, на которой значилось предупреждение «огнеопасно». А вот со спичками чуть было не возникли проблемы, благо на мою удачу отыскались в итоге и они.

Все эти хлопоты сильно меня вымотали, но не повлияли на весь боевой настрой. Он был столь решителен, что я только у входной двери вспомнила, что другой одежды, кроме полотенца, на мне нет. Наспех отыскав первое попавшееся домашнее платье, натянула его на голое тело и наконец-то помчалась во двор, чтобы довести задуманное до конца.

Здесь прямо на «зеленой зоне» и развела я свой мини-костер. Синтетическая одежда вспыхнула живо – по сути, можно было бы обойтись и без дополнительного розжига. Более того – использованное мной средство оказалось даже излишним – огонь запылал с такой силой, что довольно скоро перекинулся на еще сухую после зимы траву, угрожая распространиться еще дальше.

Не на шутку испугавшись, взирала я на весело горящее пламя, не представляя, что с ним дальше делать. А оно между тем разгоралось все сильнее, рискуя уже перекинуться на шикарный «Лексус» молодого соседа, прибавив к внушительному списку моих долгов еще и счет за дорогуший автомобиль.

Что делать? Звать на помощь? Вызывать пожарных? Ответ пришел неожиданно. Сначала в зареве костра заплясали тени, а затем появившийся неизвестно откуда мужчина бросил что-

то на землю и принялся исполнять танец африканских папуасов. Право слово, выглядело очень похоже – пляшущий человек на фоне огненного зари.

Правда, матерился он вполне себе по-русски знакомым голосом. Присмотревшись, я поняла, что неожиданным спасителем оказался Борисов Илья Михайлович. Собственной персоной. Чтобы потушить пламя, мужчине даже пришлось пиджаком пожертвовать. Не «Лексус», конечно, но тоже, уверена, стоит немало. Правда, на горючие свойства стоимость материала, как выяснилось, не влияет – дорогая шерсть сгорела так же быстро, как и дешевая синтетика. Поэтому к тому моменту, когда пламя удалось потушить, от пиджака, как в том детском стишке, остался «один ворот». Борисов сгреб в охапку остатки нашей с ним одежды и, оглядевшись по сторонам, решительно направился к стоявшему неподалеку мусорному баку. Я потрусила рядом, не решаясь заговорить первой.

– Ты что же это решила себе еще обвинение в поджоге добавить? – сурово спросил адвокат после того, как избавился от тряпья. Он достал из кармана брюк белоснежный платок и принялся оттирать им руки, перепачканные в саже.

Я равнодушно пожала плечами. На самом деле меня трясло от холода и волнения, но продемонстрировать Борисову свои чувства отчего-то не хотелось.

– Так получилось... – промямлила я.

– Так получилось, – передразнил он меня и, решительно повернувшись на каблуках, направился в сторону моего подъезда.

– Э-э-э, а вы куда? – спросила я, даже не подумав двинуться с места.

– К тебе, конечно, – спокойно ответил защитник. – Или непустишь? – усмехнулся он. – Вообще-то мне бы хоть руки помыть, да и одежду в порядок привести, а то всю машину перепачкаю.

Хм, заявление Борисова было не лишено смысла, да и претензии вполне обоснованны, – неужели он не заслужил немного воды из-под крана в моей квартире? И все же я без особого энтузиазма согласилась впустить его в свой дом. По дороге в квартиру судорожно вспоминала, в каком состоянии ее оставила покидая.

Так, нижнее белье я точно затолкала в стиралку, а валявшиеся на полу полотенца успею поднять, войдя в дом первой. Вроде бы поводов для насмешек нет, хотя от Борисова, конечно, всего можно ожидать.

* * *

Уж не знаю, что ожидал увидеть адвокат в моей квартире – не удивлюсь, что жилище в стиле Барби, учитывая мою репутацию любительницы бальных платьев, но едва переступив порог дома, он восхищенно присвистнул.

Ну, слава богу!

В противном случае мне пришлось бы задуматься о выборе способа предстоящего суицида. Благо одобрение, читаемое в глазах Борисова, уберегло меня от мыслей о самоубийстве.

– Где у тебя тут ванная? – спросил он меня скорее для поддержания разговора – в квартире-студии имелась всего-то одна дверь, ведущая, само собой, в санузел. И все же я проложила маршрут указующим перстом, и вскоре звук льющейся воды возвестил о начале гигиенических процедур моего неожиданного гостя.

Я же, сама не знаю почему, принялась критически рассматривать себя в зеркале, недовольно отмечая признаки усталости и пережитого – темные круги под глазами, припухлость век, вызванную недавними рыданиями, мертвенную бледность щек. Да уж, усмехнулась я своему отражению, вид далеко не цветущий. А ведь до того, как мне предъявили обвинение в убийстве, я слыла особой привлекательной, не знающей отбоя от кавалеров. Даже интересно,

как на моей репутации обольстительницы отразится судимость? Я вновь усмехнулась. Что ж, проживем – увидим.

– Хороша, хороша! – насмешливый голос заставил меня вздрогнуть. Надо же, предаваясь своим мыслям, я и не заметила, как Борисов вышел из ванной. Досадуя на себя за то, что позволила застать себя врасплох, я больно закусил губу и отвернулась от собеседника.

– Все? – я буркнула, обращаясь к адвокату, не поворачивая головы. – Привели себя в порядок? Теперь салон вашего, не сомневаюсь, очень дорогого авто в безопасности?

Может, и не очень вежливо, конечно, но счет за «должок» Борисова все еще не закрыт – никакие насмешки не могли компенсировать то унижение, через которое мне пришлось пройти по его вине. Так что потерпит!

Однако, судя по всему, этого гостя так просто не выгонишь. Ничуть не смущаясь, Борисов подошел к барной стойке, отделяющей жилую зону от кухонной, и уселся на высокий стул.

– Кофе нальешь? – поинтересовался он, даже не подумав смутиться.

Пробурчав нечто нечленораздельное, призванное продемонстрировать крайнюю степень недовольства, я подошла к кофемашине и утопила мягкую кнопку, запуская процесс приготовления эспрессо. Сложив руки на груди, наблюдала, как ароматный напиток тонкой струйкой наливается в чашку, и мечтала о том, чтобы этот процесс длился вечно. Увы, умная техника выполняла поручения очень быстро, и как я не хотела, мне пришлось повернуться к Борисову и встретиться с ним взглядом.

Надеюсь, я не выглядела при этом очень затравленной. Что до мужчины, то в его глазах плясали озорные чертики, выдававшие насмешку. Вот ведь гад!

– Ваш кофе, сэр, – язвительно произнесла я и, прошествовав к стоящему у стены дивану, небрежно откинулась на его сиденье, скрестив ноги и натянув подол платья пониже – белье я так и не успела надеть. В списке моих «одежных историй» не хватало только этой.

Борисов внимательно меня рассматривал, не произнося ни слова. Интересно, а зачем он вообще явился? Вопрос закономерный, хоть и несколько запоздалый. Но вместо того чтобы его прямо об этом спросить, я зачем-то решила инициировать светскую беседу.

– Как кофе? – вежливо поинтересовалась я, изображая гостеприимную хозяйку.

– Вполне сносный, – ответил Илья. Судя по всему, тактичность – не самая сильная его сторона.

Я обиженно поджала губы, но промолчала. Мужчина рассмеялся:

– Перестань, так и будешь дуться на каждое мое слово? В конце концов, я же не пирожки твои раскритиковал. Этот кофе ты не сама варила, душу не вкладывала, отсюда и результат. Как-нибудь я непременно угощу тебя по-настоящему достойным напитком, приготовленным в лучших традициях искусства бариста.

– Жду не дождусь, – яда в моем тоне вполне хватило бы, чтобы умертвить роту крепких солдат, но выпад не достиг цели – Борисов лишь лучезарно улыбнулся, продемонстрировав ослепительный ряд зубов.

Похоже, у этого субъекта просто нет недостатков, досадливо подумала я, невольно съезживаясь от осознания собственного несовершенства.

– Слушай, а ты всегда навещаешь своих подзащитных, да еще и по ночам? – решив, что церемоний на сегодня достаточно, поинтересовалась я.

– Нет, – улыбка Борисова стала еще шире, хотя мне казалось, что это уже невозможно. – Я делаю исключения только для молодых и красивых барышень, – мужчина весело мне подмигнул.

– Так себе комплимент, – хмыкнула я. – Слыхали и лучше.

– Не сомневаюсь, – произнес Борисов серьезным тоном и пристально посмотрел мне в глаза. Я поежилась, хотя в комнате было довольно тепло, и натянула подол платья еще ниже.

– И все же как ты тут оказался? – пытаюсь преодолеть воцарившуюся между нами неловкость, спросила я вновь.

– На запах дыма приехал, – рассмеялся Борисов, уходя от ответа.

– А ты, значит, что-то вроде Супермена? Ездишь ночью по улицам города, спасая людей от неприятностей.

Борисов усмехнулся:

– Далеко не всех, поверь.

И вновь одарил меня странным взглядом, а затем тут же попытался перевести разговор в другое русло:

– Что на тебя нашло? Разве в школе тебе не говорили, что спички детям не игрушка?

– Ну-у-у-у, – промычала я, – я, знаешь ли, оканчивала школу принцесс, а там все больше другие науки преподают.

На этот раз стрела достигла цели – мужчина смутился.

– Лен, – миролюбиво произнес он, впервые назвав меня по имени, чем значительно уменьшил дистанцию между нами, – может, уже хватит? Ну, сколько еще ты будешь вспоминать ту дурацкую историю? Неужели ты никогда в жизни не совершала ошибок?

Я захлебнулась от возмущения. Так вот как, оказывается, это называется! Просто «ошибка»! Ну-ну!

– Совершала, конечно, – язвительно ответила я, – но, если они затрагивали чувства других людей, хотя бы извинялась потом.

– Ты права, – покаянно проговорил Борисов, – во всем права. Я и сам понимаю, нужно было попросить у тебя прощения, просто не знал, как это лучше сделать.

– Простого «извини» было бы достаточно, – сложив руки на груди, ответила я. – Поверь, искупать вину кровью я бы не потребовала.

– Ну тогда прости, – Илья миролюбиво поднял вверх руки. – Мне просто даже не хотелось упоминать о том случае – вдруг ты уже о нем и не помнишь, а я бы своими извинениями только разворошил былые раны.

– А что, было очень похоже, что все забыто? – от возмущения я чуть не захлебнулась.

Борисов смущенно опустил глаза и отрицательно покачал головой.

– Ну так что? Теперь мир? – подытожил он разговор.

– Мир, – нехотя пробурчала я.

– Ну и славно, – Илья хлопнул себя по коленям и, поднявшись, направился к двери. – Значит, теперь мы вполне можем приступить к обсуждению нашего дела.

– Эй, ты куда? – надеюсь, он не заметил отчаяния в моем голосе – не хватало еще, чтобы Борисов понял, насколько мне тоскливо и одиноко.

– За папкой с документами, – весело ответил он. – Оставил ее в машине, когда изображал из себя юного помощника пожарных. Скоро вернусь. Жди и никуда не уходи, – весело прокричал он уже с лестничной площадки.

Я выдохнула с заметным облегчением.

Глава восьмая

Зачем вы девушки красавцев любите?..

Бог создал женщин красивыми, чтобы их могли любить мужчины, и глупыми, чтобы они могли любить мужчин! Женщины так много времени и средств уделяют внешнему виду, а не развитию интеллекта, потому что слепых мужчин гораздо меньше, чем глупых... почему же все ДУРЫ такие ЖЕНЩИНЫ?

Ф. Раевская

Затянувшиеся далеко за полночь посиделки с адвокатом принесли мне немало новых сведений. Например, я узнала, что мое освобождение – не столько плод великого гения Борисова как адвоката, сколько следствие его талантов сыщика. Моему спасителю удалось отыскать в кабинете Захарова потайную комнату. Если бы не это, никакие деньги меня из СИЗО не вытащили. Даже внушительная сумма в два миллиона рублей.

Если честно, то, упоминая великие детективные таланты Борисова, я несколько преувеличила. Не иначе как от избытка благодарности. На самом деле потайной кабинет, служивший Захарову комнатой для утех и сокрытый со стороны рабочего кабинета книжным шкафом, был обозначен на генеральном плане здания. Так что удосужься следователь ознакомиться со строительной документацией, его уверенность в моей виновности не была бы столь непоколебимой. Но это если бы... А на деле, по словам Ильи, полицейские оказались очень недовольны его неожиданным открытием. Следователь уже «галочку» поставил, мысленно премию за оперативно раскрытое дело обмыл, а тут такая незадача.

– Вот что ему теперь со всем этим делать прикажешь? – спросил адвокат.

– Может быть, настоящего убийцу искать? – предположила я.

– Хорошо бы, – Илья вздохнул. – Да что-то маловато у меня надежды на этого пацана. Боюсь, будет он тебя «топить». Найти иных подозреваемых ему не под силу, разве те только сами придут с повинной, что, сама понимаешь, вряд ли, а «висяк» ему совершенно ни к чему. Зато против тебя у него есть все, что нужно: мотив, возможность и прорва улик.

Я в отчаянии сплела кисти рук, до боли сжав пальцы.

– Да уж, – проговорила я, усмехнувшись, – замечательную же картину ты нарисовал.

Борисов потянулся, зевая.

– Прости, пожалуйста, – пробормотал он. – Я практически не спал сегодня. Не переживай, – он весело подмигнул мне сонным глазом, – мы непременно найдем настоящего убийцу.

– Мы?! – воскликнула я. – Мы – это, в смысле, ты и я? Шерлок Холмс и доктор Ватсон, я так полагаю? Или Эркюль Пуаро и доктор Гастингс, или...

Илья рассмеялся:

– Достаточно! Мысль твою я понял. Конечно, я не столь знаменит и популярен, как перечисленные тобой литературные персонажи, но, между прочим, тоже кое на что способен. Уж опыта у меня точно побольше, чем у твоего следователя.

– Во-первых, он не мой, – я загнула палец. – А во-вторых, ты хоть представляешь себе масштаб личности Захарова? Да у него врагов больше, чем семечек в арбузе. Даже с твоими гениальными способностями и, как я уже убедилась, немалыми возможностями на то, чтобы проверить каждого его недоброжелателя, уйдут годы, а то и десятилетия. Да что уж там, – я махнула рукой, – нам жизни не хватит. Пусть даже ты и гениальный сыщик, способный отыскать прыщик на теле у слона.

Илья рассмеялся, хлопнув в ладоши.

– А вот не скажи, – проговорил он, потирая руки. – Сдается мне, цель в этом деле вовсе не Захаров. Он скорее средство.

– Как так? – я недоуменно уставилась на парня. – О чем это ты вообще?

– О том, – задумчиво проговорил он, пристально посмотрев мне глаза, от чего по моему телу побежали мурашки, – что изначально все выстраивалось именно против тебя. Отсюда и твои перчатки, и украденный договор, которого якобы не было, и все остальное. Понимаешь?

– Нет, – честно призналась я, – а должна?

– Ну, не знаю, – задумчиво протянул Борисов. – Подумай, может, вспомнишь, кому могла так насолить. Хотя... С твоим характером... – Илья вновь рассмеялся, довольный своей шуткой.

– Ах, ты, – закричала я и запустила в него солонкой. Но мой адвокат ко всему отличался еще и необычайной ловкостью и быстротой реакции. Он легко поймал кухонный аксессуар, будто только и делал, что тренировался в этом каждый день. Хотя как знать, вдруг так и есть – с его профессией ловля летающих предметов, подозреваю, вполне себе полезный навык. Жаль, я подобными талантами не обладаю, поменяйся мы с Борисовым местами – уверена, солонка угодила бы мне прямехонько в лоб. Более того, даже пролегай траектория ее полета в метре от моей головы, в последний момент я бы непременно сама и подставилась.

– Да ладно, – весело проговорил Борисов, – шучу я. Пытаюсь разрядить обстановку. – И добавил, посерьезнев: – А ты все же подумай, напряги извилины, кому ты перешла дорогу?

– Даже думать не буду, – в отчаянии запустила я руки в волосы. – Нет таких.

– Вспоминай, – настаивал Илья, – конкуренты? Обиженные подруги? Отвергнутые любовники? – слегка запнувшись на последней фразе, перечислял Борисов возможные варианты.

– Нет, нет и еще раз нет, – безо всяких запинок отчеканила я. – И вообще, с чего ты взял, что это по мою душу? Откуда такая уверенность?

– Видишь ли, я тут кое-какие справки навел, – пояснил мой собеседник, – и выяснил, что твоя контора Захарову как рыбе зонтик. Без обид, но не того полета ты птица, чтобы личностей вроде убиенного интересовать. У вас с ним не пересекающиеся траектории жизненного пути.

Я хмыкнула:

– А то я не знаю! С самого начала не могла взять в толк, зачем ему потребовалось инициировать этот рейдерский захват.

– Вот это-то, друг Елена, и есть самое интересное! – Борисов назидательно поднял вверх указательный палец. – Давай предположим, что Захаров действовал не в своих, а в чужих интересах. Тогда все сходится.

Я уперлась локтями в стол, положила подбородок на ладони и принялась тереть виски пальцами, будто надеялась, что это поможет. Но озарение не пришло – видимо, нужно средство посерьезнее. Электрошок, к примеру. Хотя не уверена, что он запускает мозги. А что запускает? И снова мои мысли унеслись куда-то не туда – далековато от заданной темы.

– Нет, – проговорила я наконец, – ничего не выходит. Ни одной умной мысли. Даже не представляю, кому я могла насолить.

– Сузим круг поиска, – попытался помочь Борисов. – Таинственный некто должен быть очень влиятельным. Настолько, что он мог как минимум на равных общаться с Захаровым, а то и быть выше него по рангу.

Мое сердце предательски сжалось, во рту неожиданно закончилась слюна. Ничего себе «помог»!

– Слушай, ты меня пугаешь, – пролепетала я. – Куда уж круче Захарова. И одного такого врага мне за глаза и уши хватало. И то там-то на кону фирма была, а тут моя свобода! Ведь

если этому кому-то нужна моя посадка... – я поежилась, почувствовав ледяной холод, прокравшийся в душу. – Что я могу сделать одна? Что могу противопоставить такому врагу?

Борисов странно посмотрел на меня и произнес:

– Во-первых, ты теперь не одна. У тебя есть я, а я, знаешь ли, тоже не лыком шит, а во-вторых, на любое действие непременно найдется противодействие. Но довольно на сегодня, – Илья снова потянулся и зевнул. – Пора спать, – произнес он. – Утро, знаешь ли, вечера всегда мудренее. Завтра займемся твоим окружением.

– Почему им? – не сразу поняла я.

– Ну, как, очевидно же – тому, кто тебя заказал, явно помогает кто-то из своих. Это даже по одной схеме рейдерского захвата видно. Неужели такая мысль не приходила тебе в голову?

Я задумалась:

– Если честно, нет. Предположить, что кто-то из сотрудников может работать на врага... Совсем не похоже это на моих ребят. Нет, – я решительно тряхнула головой. – Этого просто не может быть. Потому что не может быть никогда!

– Никогда не говори «никогда», – усмехнулся Борисов. – Ладно, – проговорил он, поднимаясь, – давай об этом завтра.

Я кивнула. Возникла неловкая пауза, неизбежная в подобных ситуациях. Никогда не знала, как поступать, если гость засиделся допоздна. С одной стороны, как хорошей хозяйке, следовало бы предложить ему остаться на ночь. С другой, учитывая, что у меня всего одна комната, это не очень удобно. А уж в данном случае неудобно особенно.

В то же время оставаться в одиночестве в свою первую ночь на воле совсем не хотелось. Рыбки – не в счет, от них нет никакого тепла. Хоть и иди на улицу за бездомным котом, ну или предлагай-таки мужчине остаться.

Размышляя подобным образом, я не сразу заметила, что Борисов уже сам все решил – он растянулся на гостевом диванчике как есть – в рубашке и брюках и, кажется, уснул.

Я подошла к шкафу, достала плед и заботливо укрыла им гостя, на секунду, только на секунду, задержавшись подле него. Неожиданно Илья открыл глаза, схватил меня за руки и притянул к себе. Если честно, падать грациозно у меня никогда не получалось, поэтому я плюхнулась на Борисова, словно мешок гнилой картошки, кажется, довольно сильно ударив его в грудь. Он охнул и поморщился, но, не ослабляя объятий, наградил меня долгим поцелуем, на который я, конечно же, ответила. А как иначе, ведь в тот момент Борисов чудился мне принцем на белом коне, рыцарем, вызвавшимся спасти меня из заточения.

А поцелуй между тем становился все настойчивее, рука Ильи скользнула по моему бедру под платье, где ее ожидал сюрприз – белье надеть я ведь так и не успела. Мужчина на секунду отстранился, удивленно и немного насмешливо посмотрел мне в глаза, а затем вновь продолжил свое бесстыдное путешествие по моему телу. Я же полностью растворилась в ситуации, доверившись более опытному, по всему видно, партнеру.

Удивительно, но никакой неловкости и стеснения, вполне уместных в подобной ситуации, не было и в помине. Мы исследовали друг друга с жадностью первооткрывателей, чувствуя себя в постели, как давние партнеры, которым хорошо известны потребности и желания друг друга. Попроси меня кто-то потом вспомнить лучшую ночь в моей жизни, не задумываясь, назвала бы эту.

Глава девятая

То, что пострашнее «Фауста»

Нет болезни мучительнее тоски.

Ф. Раевская

Яосторожно высвободилась из объятий Ильи и, приподнявшись на локте, тихонько, чтобы не разбудить его, принялась рассматривать лежащего рядом с собой мужчину.

Надо же! Никогда не замечала, как он красив! Скорее всего, обычно впечатление портит его надменный вид. Зато сейчас, расслабившись во сне, он такой беззащитный, что у меня даже проснулись материнские чувства, совершенно неуместные в данной ситуации. Я усмехнулась – еще вопрос, в чьих жилах течет королевская кровь. Во всяком случае, сейчас образ спящего Ильи рождает сказочные ассоциации, напоминая о заколдованных злыми ведьмами принцах, вынужденных днем носить маску высокомерного чудовища и только по ночам принимать свой привычный облик.

Тонкий аккуратный нос, полные чувственные губы, высокий лоб, выдающий умного человека, густая копна каштановых волос, которые даже во сне удивительным образом остались аккуратно уложенными, – нужно погуглить, нет ли какого-то аристократического рода Борисовых, внешность Ильи выдавала в нем особу голубых кровей.

Тут взгляд неожиданно упал на мое отражение в зеркале напротив. От неожиданности я вздрогнула и чуть не свалилась с кровати – контраст поразителен: с таким лицом только у перехода милостыню просить. Вот уж точно красавец и чудовище. Волосы всклокочены, под глазами пролегли черные круги – не от переутомления, просто не успела снять наспех наведенный макияж, и только губы, распухшие от поцелуев, радовали натуральным алым цветом.

Не хватало еще, чтобы Борисов проснулся и увидел меня в таком виде.

Аккуратно скользнув с постели, я пошлепала в ванную, спрятавшись там за прозрачными дверцами душевой кабины. Включила воду и привычным жестом повернула тумблер радио. Не то чтобы я стремилась узнать о событиях в стране и мире, но привычка, как известно, вторая натура.

Намыливая голову и тело, не особенно вслушивалась в бубнеж диктора, пока внимание не привлек знакомый голос. Вздрогнув от неожиданности, чуть не выронила мочалку из рук. Прислушавшись, сделала звук громче.

– В настоящий момент ведется расследование, но я уверен, что мою подзащитную оправдают.

– Это был, – кабинку заполнил бодрый голос радиоведущего, – адвокат Илья Михайлович Борисов, представляющий интересы Елены Маленькой, подозреваемой в убийстве известного бизнесмена Захарова. Напоминаем, несколько дней назад предприниматель был найден мертвым в своем кабинете. Преступник, предположительно Маленькая Е. В., застрелил предпринимателя из пистолета и скрылся. Но вскоре был задержан и помещен в камеру предварительного заключения. К другим новостям...

Продолжая тереть мочалкой кожу, не замечая, что она уже покраснела и больно саднила, я пыталась собрать мысли в кучу. Получалось с трудом. Так вот оно, значит, как. А я-то, дура, надеялась. А на что я, собственно говоря, надеялась? О чем вообще думала? Почему не поинтересовалась, с какой стати известнейший адвокат, чьи гонорары исчисляются цифрами с множеством нулей, взялся вдруг за бесплатное дело какой-то пигалицы. И не просто взялся, а с энтузиазмом, работая даже по ночам, не покладая рук своих.

Щеки вспыхнули румянцем, и я тихонько застонала. Боже мой! А я еще и в постель его свою пустила. Да уж, молодец Борисов, ничего не скажешь! Все получил, что хотел, – и пиар всероссийский, и необремененный обязательствами секс. Герой! Орел, а не мужик!

А я? А что я? Сама виновата, раз забыла, с кем имею дело.

Вскрикнув от боли, перевела взгляд на руку – увлекшись, дотерла до ссадин. Это знак! Довольно паниковать! В конце концов, еще не все потеряно, нужно искать способ выйти из ситуации красиво.

Хотя для начала красиво нужно выйти из ванной. Обернувшись полотенцем, сделав несколько глубоких вдохов и выдохов перед дверью, я нацепила на лицо улыбку, подозреваю, что вымученную, и шагнула в комнату.

* * *

Борисов еще спал, вольготно раскинувшись на диване. По всему видно – делить ложе с кем бы то ни было он не привык. Впрочем, подозреваю, он вообще не привык чем-либо делиться, будь то свободное пространство или право вести самое громкое дело в городе. И ведь как все ловко обставил – дежурство в коллегии, бесплатный адвокат, а я-то купилась. Идиотка, что еще сказать?

В этот момент мой гость открыл глаза и улыбнулся мне такой открытой ослепительной улыбкой, что в других обстоятельствах я наверняка растаяла бы, словно сливочное масло. Не зря он достиг таких высот в своей адвокатской деятельности – производить впечатление мужчина явно умеет. Подозреваю, особенным успехом эта его фирменная улыбка пользуется у судей-женщин: с такой харизмой быть знатоком юриспруденции совсем не обязательно.

Я мысленно нацепила на себя столь неосмотрительно сброшенную ночью броню. Закованная в панцирь равнодушия, я стойко встретила летящие в меня стрелы очарования.

– Доброе утро, – Борисов встал и, как есть, нагой направился ко мне. Во рту тут же пересохло, и я поспешно отвела взгляд в сторону, демонстрируя всем своим видом, что меня безумно заинтересовал смотрящий в окно голубь. Сизая птица тарасила на меня свои глаза, то и дело поворачивая голову из стороны в сторону. Я же с видом заправского орнитолога изучала ее оперение и когтистые лапки. Честно говоря, иных деталей разглядеть никак не удавалось, да и обнаженный Аполлон, бродящий по моей квартире, очень отвлекал от этого «увлекательного» занятия. Наконец я догадалась не стоять истуканом посреди комнаты, а заняться завтраком – по крайней мере отвернусь к плите.

Не тут-то было! Стоило мне сделать шаг в этом направлении, как сильные мужские руки обняли меня за талию, и я почувствовала горячее дыхание на своей шее. Тело предательски откликнулось на прикосновения, в мозгу тут же вспыхнули яркие картинки минувшей ночи, дыхание сбилось, и, послав все к черту, я решила, что еще один разок... на прощание... и вообще это только секс...

Телефонный звонок разрушил идиллию. Стремительно высвободившись из объятий Борисова, не обращая внимания на его умоляющий шепот: «Оставь, пусть перезвонят!», я схватила трубку, словно спасательный круг, и быстро провела по экрану пальцем.

– Ленка, ты встала? Как спалось? – услышала я такой родной голос любимой подруги.

– Э-э-э, гм, спалось... – краем глаза я наблюдала, как Илья отправился в ванную. Да оденется он, в конце-то концов?! Прямо эксгибиционист какой-то. А может, он просто нудист?

– Ты чего там бормочешь? – удивилась Лариса. – Спала, говорю, как?

– Да отлично я спала, – бодро отрапортовала я. – Сном младенца.

– Ну, и славно! – Лариса радостно захихикала. – Ты в офис-то собираешься? Готова к труду и обороне? Хотя теперь, когда Захаров мертв, пожалуй, только к труду. Но если

не готова, не переживай, я тебя подстрахую! Если нужно время прийти в себя, не торопись. Теперь же мы работаем в штатном режиме, так что в любом случае справимся.

– Нет-нет, – поспешно воскликнула я, – конечно, я приеду.

– Отлично! – Лариса и не подумала скрыть вздох облегчения. – За тобой заехать?

– Не надо, – чересчур поспешно воскликнула я. – Такси возьму.

– Да зачем? – удивилась Лариса. – Мне же нетрудно совсем.

– Да я, наверное, чуть задержусь. Может, в магазин зайду, спортивный костюм посмотрю, а то мой тюремные девицы забрали.

– Лен, у тебя все в порядке? – обеспокоилась Лариса.

Врать я никогда не умела, а уж ей особенно.

– Да, да, все просто отлично, – ответила я, аккуратно высвобождаясь из объятий Борисова – он только что вышел из ванной и теперь продолжил наше «общение» с того места, где остановился.

– Лар, у меня молоко убежало, – прокричала я в трубку, не дослушав удивленный возглас подруги: «Какое моло...»

– Будешь яичницу? – сделано беззаботным тоном поинтересовалась я, вооружившись наконец-то сковородой для защиты – по моему мнению, это должно было остановить дальнейшие посягательства Борисова на мою девичью честь. В конце концов, не очень вежливо отвлекать женщину от процесса приготовления пищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.